

Ольга Лебедь
ХУДОЖНИКИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ольга Лебедь

Художники

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42746810

SelfPub; 2019

Аннотация

Мечтал стать Творцом миров? Мечты сбываются! Только помни, что всему есть цена. И однажды, когда ты станешь достаточно силен, за тобою придут. Кто? О, ты узнаешь их сразу. И будешь желать только одного – выжить. Боишься? Тебе придется сделать выбор: довериться своему персонажу или идти вслед за сюжетом, который тебе уже не подчиняется. Думаешь, что можешь все изменить? На это мы и посмотрим. Содержит нецензурную брань.

Содержание

I		5
	Часть 1	5
	Глава 1	5
	Глава 2	13
	Глава 3	22
	Глава 4	31
	Часть 2	43
	Глава 1	43
	Глава 2	50
	Глава 3	55
	Глава 4	58
	Глава 5	65
	Часть 3	69
	Глава 1	69
	Глава 2	83
	Глава 3	95
	Глава 4	99
	Часть 4	112
	Глава 1	112
	Глава 2	117
	Глава 3	124
	Глава 4	146
	Конец ознакомительного фрагмента.	148

В оформлении обложки использована фотография с <https://www.shutterstock.com/>.

*И если бы мир был придуман не нами,
То был бы ли он светлей?*

Вообразариум

I

Часть 1

Глава 1

Зевая, Кивин широко открыл рот, но туда сразу впечатался мячик.

А я хихикнула. Конечно, это было не очень прилично, Кивин мог челюсть вывихнуть. Но сам виноват. Я долго думала, опомнится он первым или учитель придумает что-то раньше. Вышло, что последнее. Расковский остановился на теннисном мяче. Белом. Я поспешно прикрылась рукой, чтобы не перепало и мне. Зевает Кивин заразительно.

– А все-таки меня иногда бесит, – прошамкал рядом Крис: ему недавно вставили второй ряд зубов. – Все эти сюжетные схемы, костяк композиции... Почему нельзя просто – бум?

– Потому что ваш бум поразит разве что бомжей, – гаркнул от доски Расковский. – И только им, на помойке, понадобится ваше произведение. Чтобы было чем подте...

Я поджала губы, уткнувшись в лист с записями. Грег только месяц у нас работал, после аспирантуры, и атмосфера училища влияла на него не совсем так, как следует. Мы толь-

ко удивлялись, как при сдаче диссертации он сумел выдержать речь без крепкого словца.

Крис покраснел как рак.

На самом деле, меня тоже не раз мучила эта проблема. Вот учишь, учишь. А кому это вообще надо? Сколько художников работали по своему призванию?

Всякий раз, когда я затрагивала эту тему, Линда отворачивалась.

– Да какая тебе разница? – угрюмо сказала она и убрала с лица фиолетовую прядь. Закинула ее назад. Я знала, что будет дальше. А в столовой, где мы сейчас находились, сценарий был еще прозрачнее. И таки-да – спустя время прядь вернулась и угодила прямо в тарелку. Волосы извозюкались в чечевичном пюре. Я придирчиво вытерла салфеткой свою часть стола, хотя брызг не было.

– Что ты заводишь эту тему? – Линда недовольно взглянула на меня. – Ты учишься здесь. Гордись!

– Как будто кто-то этим гордится, – я смахнула салфетку в корзину около стола и оглядела людей. Сегодня не было картинщиков. Опять их заставили выверять чертежи, небось. Ну, салата больше останется.

– Вот я горжусь, – Линда флегматично оставила прядь плавать в бежевой жиже и принялась за этот суп. – Кто бы мог подумать, что я могу создавать мир – прямо из воздуха. Горжусь.

– Все мы творцы, – я отставила в сторону перец. – Все мы

думаем. Кто-то в большей, кто-то в меньшей степени.

– Кто-то дурак, – поддакнула Линда.

– Угу. Только благодарности у нас где?

– Ты хочешь, чтобы все о нас знали? – зыркнула она на меня. – Чтобы все кричали: «О, смотри, творец идет!»

– Звучит не очень.

– Ага. Еще кинут в тебя бананом, за то что ты не так героя прописал, – Линда вздохнула. – Кто придумал эти композиции? Бумагу только изводим.

Опять соскочила на то, с чего начинала я. У нее такая короткая память.

Больше всего я не любила в училище физподготовку. Вот зачем мне физподготовка, я же пишу?

– Савельева, ну ты опять мешок!

Да, я притворялась набитой душой, чтобы меня только не трогали. А пока пыталась сочинять миры. Но это мало получалось, когда кто-то бил тебя мячом по заднице.

Домой я приходила всегда уставшая, почти в полночь – настоящая Золушка – и неслышно, чтобы не разбудить родителей, пробиралась на цыпочках во вторую комнату.

По пути обычно что-то сшибала.

А в комнате находила остывший чай. Не помню, за последнее время, когда бы он был еще горячим. Родителям я ничего не говорила, они до сих пор думали, что я учусь на третьем курсе университета – точнее, перешла на третий, и кое-как сдала экзамены в январе. Училище использовало ка-

кую-то хитрую систему, благодаря которой о нем никто не знал. И поэтому я не могла о нем никому говорить. Но была и еще причина – я очень боялась.

***

Помню, когда мне было девять, мама, посмотрев мои ранние песенные наброски, – а писала я их в шесть, тогда я задумывала стать композитором, – покивала головой, поулыбалась, похвалила. А на следующий день, когда к нам приходила тетя Люда, я услышала шутку, что дочери, то есть мне, никогда не стать поэтом. Они смеялись. Теперь-то я понимаю, что это было сказано в каком-то политическом контексте, – там еще участвовали современные медиа, шашлыки и президент – но меня это очень ранило. Я даже пару дней не разговаривала. Услышать, когда о тебе такое говорят родители...

Мои родители замечательные. Они отговорили меня идти в литературный и посоветовали взяться за журналистику – близкая тема, и писать буду, как всегда хотела. И я понимаю, что они были правы. Все эти университеты с литературой. Пока получаешь профессию, всю охоту отбивает. У меня так и с журналистикой стало. Но дело не в этом. Я действительно взялась за дело всерьез, а когда слышала, чему в литинститутах учат...

Но меня все равно это нашло. Когда однажды я чуть не

попала в аварию, – водитель, зараза, проскакивал на пешеходном – меня за руку поймал Хаз... И тут все началось.

Хаз – это лаборант с технического. Подрабатывает в отделе, так как увлекается всей этой машинной фигней. Прибамбасы, колбы. Я тогда в него влюбилась. Стукнулась об его грудь, когда он меня вытащил из-под носа машины, а когда очухалась, вижу – что-то я не дома. Вокруг была та же обстановка, но не было людей и автомобилей. Хаз тогда выругался и сказал, что я свалилась на его голову.

– У нас уже перебор с вами.

– С кем «с нами»?

– Со студентами. Заладили – фантазировать.

Через десять минут я стояла на пороге училища, в меня дул сквозняк из входной двери, а среди слоняющихся без дела мальчишек и девчонок, одетых в какую-то навороченную цветастую одежду, я увидела дылду – светловолосого парня, прислонившегося к квадратной колонне. Лицо его выражало все признаки тошноты. Это был Кивин.

– Новая? – Чувак с непроницаемой внешностью – ни запомнить, ни описать, а еще директор – посмотрел на заполненную Хазом анкету (до этого тот пытал меня добрых полчаса на предмет всяких отклонений от нормы), потом зыркнул почему-то на Кивина. – А этот что может?

– Сценарист, – буркнул Хаз и скептически посмотрел на парня. Директор хмыкнул:

– Мыслит драматически. – Он поставил печать на обоих документах, и с того момента нас двоих пихнули в аудиторию и не выпускали до глубокой ночи. Там мы быстренько проходили инструктаж, записывали где-то с середины лекции и пытались понять, что вообще от нас хотят и что это за странные термины. Только к концу второго часа непрерывных чирканий за лектором я сообразила, что мне уже не отвертеться. Приходилось становиться писателем. Тем, кем я всегда мечтала быть. Только меня никто не предупредил, что сказать об этом будет трудно.

И я не сказала. Когда я оказалась в десяти минутах ходьбы от дома, меня охватило странное чувство: живот жгло возбуждением, становилось легко, отчего начинала кружиться голова. И глаза бегали как сумасшедшие, не знали, на каком предмете остановиться – может, стройка? нет-нет, детский сад? соседний дом?

Я побрела к своему.

И пока шла, понимала, что мое желание обрадовать родных – испаряется. Я прогуляла университет. Я была черти знает где, среди людей со странными именами, полузарубежными, полувывымышленными (клички, потом узнала), в месте, где все говорят на одном языке, без акцента – хотя там далеко не все русские... Я пришла домой, а родители уже спали. Мама не ждала, уснула, наверное. Так и не вышла, хотя я гремела. Когда я дожевывала пирожное, запивая его про-

тивно-холодным чаем, понимала – не скажу. Не смогу расстроить. Кем будет работать их дочь? Что она вообще делает? Как, в какую компанию попала... А потом мне помогали оформлять документы, якобы из универа. Родителям не звонили с журналистской кафедры – думаю, там потеряли мои номера. Друзья не интересовались. Да и наверняка считали, что я просто забила на универ. Меня пока не отчислили, – щас летом после сессии будет – и каждое утро, в десяти минутах ходьбы от дома, забирали куда-то вверх и вниз: я оказывалась на площадке, за которой был городской пейзаж, унылый, как некоторые рисунки наших артхаус-художников, я входила внутрь здания и начинала понимать, что каждый говорит – китайский, немецкий, английский... Все эти языки звучали для меня одной тягучей рекой – моим русским. И мне не хотелось знать, почему так происходит. Место было замечательное, и в нем просто хотелось остаться. Разве что в столовой иногда пересаливали.

***

Я вернулась домой, но мама не спала. Давно я такого не видела в будни.

– Хочешь сделать мне подарок?

Я сразу вспомнила, что на прошлый ее день рождения осталась дураком.

– Конечно. Что надо сделать?

– Вот, – она показала на бумажку, где была записана книга Марининой. – Купи мне ее, я все буду читать.

– Ладно, – вздохнула я. О вкусах не спорят. – Это новая?

– Да, в википедии проверила. Там еще есть, только Каменскую не надо.

– Ну, вот эта про Каменскую.

– Значит не надо.

– И название я уже слышала... Ее у нас нет?

– Да? – Мама ушла в мою комнату проверять стеллажи. –

Ой, и правда стоит!

Я налила себе чай, заварила покрепче и безразлично уставилась на экран. Что там у нас сегодня по телику?

– Ты кушать будешь? – мама вернулась.

– Да. Мам, что идет?

– Не знаю, я для фона включила.

Она подошла к холодильнику, потом к плите и начала химичить. Я наблюдала, как она расставляет кастрюли и плоски под монотонный гул телепрограммы, когда заметила в отражении духовки, что у нас на кухне появилось пятно, которого в ней нет. У меня екнуло сердце. Пятно было только в стекле, но не на плитке. Оно было черным и немного бесформенным, отчего я подумала – таракан. Большой! Но мне в итоге показалось. Когда я моргнула, решив, что пятно похоже на мышь, оно исчезло, оставив только сладкий осадок на сердце – пронесло. Я думала, у меня уже крыша едет. А то придумываю тут всякое постоянно.

– Так что тебе?

– Картошку.

– А что молчала? Пять раз спросила.

Я не стала возражать.

Легла я поздно, как обычно. Обняла игрушку, которую дарили еще в десятом классе – котомедведь, такой пушистый, любимый и потрепанный, – попыталась заснуть с открытым окном. Пьяные мешали. Завтра пятница...

– Вот бы мы для чего-то были нужны, – сказала я то ли вслух, то ли уже в полусне. Я никогда не умела отделять правду от сумбурного мира грез, потому что этот момент всегда приходил неожиданно. Особенно теперь: закрываю глаза – и я уже на своей станции. Выходные из-за этого были моими самыми короткими днями.

Я открыла глаза, всматриваясь в неполную темноту – горел светодиод от роутера.

– Горбатишься непонятно для кого, – вздохнула, прижимая к себе игрушку. Она пропахла пылью.

Я уснула.

И мне снился мой мир.

Глава 2

Хаз был особенно резок, когда я подходила к нему с просьбой. Это он до сих пор считал, что я по нему тащусь.

Он и предположить не мог, насколько учившиеся здесь итальянцы горячее.

– А ты не мог бы подбрасывать меня чуть подальше?

– Этим я не распоряжаюсь! Подальше?

– В парк хотя бы. Я так давно там не гуляла.

– Выходные тебе на что?

– Ну так я их трачу на долги по универу.

– Все не бросишь.

– Мне это не очень нравится.

Он фыркнул – в последнее время он начал меня этим откровенно бесить – и ушел договариваться с директором. Ну а кто этими перемещениями распоряжается?

– А кого ты видишь, когда спишь? – вдруг спросила Линда у меня за обедом. Она в первый раз заговорила со мной о персонажах.

– Тебе кто-то приснился из своих? – поэтому в первую очередь спросила я.

– Да! – она улыбнулась и покраснела. Ясненько. – Это же всего лишь сон!

– Персонаж – это часть души, – сказала я, держа ложку перед губами. – Это как самой с собой заниматься, – я засунула ложку в рот, проглотила суп, – этим...

– И что? Это сон, – Линда фыркнула – получилось очень похоже на Хаза. – Никто и не узнает. И я знаю, что пойдет в книгу, а что нет.

– Твоя воля.

– Он был таким классным!

– Избавь от подробностей.

Линда недовольно отвернулась.

На уроке техники нам вдалбливали ненужную информацию.

– Насыщение прозаического произведения деталями – это очень важно для объема картины, – не спеша похрипывал старик Тихарь. – Я не говорю про объем произведения. Форматы жанров, я надеюсь, все помнят. А сюжет – он невозможен без подробностей. Кому нужна прямая линия? Всем нужны резанные, наполненные фактами, детальками, всем тем, что делает сюжет великолепным.

– Как будто он тут гуру, – пробурчал слева Кивин. Тихарь был не настолько одарен слухом, так что Кивину сошло с рук. – Копаешься в этих деталях, и сохнешь.

– Это да, – я думала о том, что любая профессия претит, когда начинаешь в ней погрязать. Пока что только научно.

Как люди делают свою мечту делом всей жизни?

Меня убивали подробности. Убивали весь пыл, превращая его в пустой пшик. Из-за этого тексты получались скользкими и простыми, и последнее мне тоже совершенно не нравилось. Как при подробностях у меня получалась простота? Не знаю. Но получалась.

Когда я зашла ополоснуть лицо, заметила капающий звук из открытой кабинки. Я никогда не видела уборщицу, интересно, а кто туалеты чинит? Лицо в зеркале показалось

мне сухим и каким-то выцветшим. У меня герои и то живее. Вот что значит ночи без сна, за придумыванием. Я умылась, выпрямилась и вскрикнула – Господи!

Мне показалось – черт!

Ой, не черт. Но показалось... Было страшно. Что-то темное, с красным глазом, в капюшоне. Дарт Вейдер, блин. Теперь и чудится.

В кабинке булькнула вода.

Надо поспать сегодня. Хаз бы договорился.

Я вышла из туалета, когда в него как раз намеревался зайти мальчишка.

– Эй, ты чего? – А он посмотрел на меня как на сумасшедшую, но я не поленилась указать ему на знак. – Хотя если пожелаешь, – я пожала плечами, потому что парень мой слова проигнорировал. Небось из картинщиков. Они временами странные.

Я вернулась в аудиторию.

– Чувствую, сегодня нам придется написать эссе, – уныло забурчал Кивин, и я пожала плечами. Эссе так эссе. Ничего нового. А вот Кивин ненавидел этот жанр.

– Про всякие заклепки. Какая разница, какого цвета у моего персонажа заклепка, – Кивин наклонился к парте, чтобы Тихарь дай бог не обрел слух.

Учитель как раз медленно проходил мимо нашего места.

– Таким образом, ружье, которое вы вешаете в первом акте, выстреливает в третьем. Оно должно выстрелить. Даже

холостым. Даже если просто кому-то почудится. Савельева, вы куда?

– Мне в туалет!

Я неслась сломя голову. Пыталась не сшибить никого, кто б по дороге оказался. Боже мой, это немыслимо! У нас в туалете мой персонаж.

Он выискивал что-то в раковине, а когда я влетела, подцепил кольцо на цепочке и застегнул ее на шее. Цепочка. Это точно, на шее! И с кольцом. Я это сегодня во сне видела.

– Ты что здесь делаешь! – Господи, зачем я это спрашиваю. Я что-то сделала – мой персонаж, он здесь.

Я и такое могу?

– Ты кто? – он отшатнулся.

– Что делаешь тут?

– Какая тебе разница? – нахмурился.

– Ты мой персонаж!

– Что?

Я услышала шаги и побежала закрывать дверь.

– Уходи!.. Постой, как ты попал сюда?

– Ты сумасшедшая.

– Ты что-то видел? Как я это придумала?

– Ты не в своем уме, – он оглядел туалет. Наверное, в сотый раз, раз меня долго не было. – Ну и грязно тут.

– Тут чисто! Ты в мужском не был, – и я в первый раз подумала, что хорошо, что он ошибся дверью – у меня бы не

было желаниа забежать в мужской.

Он вдруг оглядел меня.

– Мда.

– Вот спасибо, – мой голос звякнул сталью. Еще бы мой персонаж мне что-то говорил...

Хотя его я не очень помню. Вроде не представляла никого так. Лицо не совсем такое, тело крепкое, притом худой. Хотя да, черные волосы... Может, фантазия и воплощение работают между собой иначе? Но вот кулон я точно помню.

– Это что-то от царя? У тебя кулон. – Парень жутко прищурился. – Значит угадала. Ну и что мы воруем?

– Ты ничего не знаешь, девка!

– Ты мне не угрожай... ой!

Он впечатал меня в стенку, заткнул с силой рот. У меня заболели зубы. А запястья он перехватил, и тоже сжал, больно.

– Откуда знаешь? – прошипел он.

Глаза – как ярость. Я замычала, но он сдавил мне рот. Придурок! Ну точно мой персонаж. Тупоголовый. Но через секунду он мне рот открыл.

– Придумала, – попыталась поднять к губам ладонь, но он не дал, и зубы как и прежде болели.

Он посмотрел, подняв бровь, как на идиотку.

– Что ты придумала?

– Что кольцо, царя. Что его украли. Ты украд, видимо!

– Я не крал.

– Крал! Тогда зачем...

– Я не крал! – Мне язык снова сдавило. Да когда же они, Господи, на шум-то придут!

В дверь постучались.

– Мне срочно! Хватит там шалить! Дома подробности придумаешь!

Я поблагодарила бога за такую писклявую девочку. Парень отошел на два шага и с ужасом уставился на дверь. Туда снова врезалась рука:

– Эй!

– Уходи! – шепнула я ему.

– Куда?

– К себе возвращайся! В мир свой! Мой!

– Я ни в какой мир не возвращаюсь!

– Глупый что ли?

Ну тупо-ой!

Он огрызнулся.

– Понятия не имею, что я здесь делаю! Но в свой мир я возвращаться не знаю как!

– Заснула что ли?! – заревела пискляшка. Мне стало страшно.

– Иди туда!

– Куда!

– Туда! – я захлопнула кабинку. – Ноги убери! И не высовывайся!

На пару секунд все стало тихо.

– Ненормальная! – взревела толстуха – какая ж она оказалась толстая – и проскочила к первому толчку. Захлопнула дверь. Послышались звуки.

– Закрой дверь!! – заорала она, и я, прижимая нос, выметнулась наружу. Как бы она там не засиживалась.

Спустя двадцать минут девушка вышла в хорошем настроении.

Парня я нашла полуживого. Вывела его наружу. Пофиг, что увидят.

– Как ты себя чувствуешь?

– Не спрашивай, – промямлил он.

– Недалеко есть лестница...

Я заметила теперь внимательней, что он был в коротком плаще, а сам весь в черном, и плащ черный. Руки в перчатках до ладоней, пальцы открыты. Еще у него была классная заклепка на ремне, в форме пасти волка.

Худой. Высокий. Да я прям гениальна!

Когда мы спустились на первый этаж, на нас уже поглядывали.

– Дыши, – сказала я на улице. Он наклонился, судорожно глотая воздух.

– Почему не на уроке? – Расковский испугал меня своей внезапностью.

– Извините! Совсем не до того было.

– Оправдание... – был сказан мат. – А ты что?

– А это мой брат, – я коснулась ребер парня для поддерж-

ки, но кажется, только усугубила ситуацию. – Он... пролетом.

– Что значит пролетом?! – вставил учитель кулаки в бока.

– Недавно! – округлила я глаза. – Совсем недавно.

– Еще одного придурка?

– Что ж вы выражаетесь? – посетовала я. Меня опять обругали.

– Работать! – гаркнул Грег и ушел куда-то не туда, не к нашей аудитории. А, «работать» у него значило пахать, пока он где-то проветривается.

Я нагнулась к незнакомцу.

– Ты как?

– Во что ты меня впутала? – он немного дрожал, но дышал уже. Я закусила губу.

– Ну, ты творец.

– Какой творец?

– Миры создаешь. Теперь. На время.

– Сама выпутывайся, – он выпрямился, отер губы. – Так где я?

– В Доме творцов.

– Что это?

– Создатели миров. Мы вас пишем.

Он посмотрел на меня как на сумасшедшую. Снова.

– Мне все равно, что ты там щебечешь. Но чтобы к вечеру я был обратно. У себя. Тьфу, верни, как все было! Если это ты затащила меня.

– Я никого не затаскивала, – проямлила я.

– Мне надо быть там к вечеру, – сказал он тише и сжал кольцо на шее в ладони.

Глава 3

Мне приснилось, что мои ноги жрет черная крыса.

Когда я открыла глаза, увидела, что парень спит сидя, прислонившись затылком к старому громоздкому комоду. Я подскочила к нему и начала трясти. Его голова с открытым ртом заметалась как одуванчик.

– Ай! – этим кончилось небольшое противостояние. Он, очнувшийся, потирал макушку.

– Зараза.

Это слово я уже перевела про себя литературно.

– Ты как сюда попал? Вспомнил что-нибудь? Это было бум, или портал – и вот ты здесь?

– Отвянь от меня, сумасшедшая.

– Ну же, скажи!

– Отвянь, я сказал!

Меня, если честно, удивило, что он не удивлялся метро. Директор, видимо, внял мои просьбам, быстро, поэтому в Москве мы оказались прям в толчее прохожих. Персонаж на это реагировал как собака на телевизор. Такое ощущение, что у них таких переходов пруд пруди. А я в своем мире ничего такого не придумывала.

Впрочем, я и сама о придуманном мире не очень-то много знала.

К нам заглянула мама.

– Уже проснулись? – она улыбнулась так, что ни один человек не заметил бы подвох. Я вышла вместе с ней в коридор, и добродушное выражение с ее лица сразу исчезло.

– Так, чтобы никакого шума, пока мы с твоим папой дома. Ты заходила в аптеку?

– Он вроде не болеет.

Мама протянула мне презервативы.

– Мам! – у меня вылезли на лоб глаза.

– Чтоб ты мне в подоле принесла? Щас, будешь сама его воспитывать.

– Да мы ничего такого!

– Уж мне не говори, чем там молодежь не интересуется, – сдвинула брови она. – Если будет приставать, надевай. А папа с ним потом разберется.

Я зашла в комнату немного потерянная, отчего забыла вовремя спрятать пачку.

– Презеры что ли? – я мгновенно отвела руку за спину. – Думала она, что я тебя в первую же ночь укушу?

Он не выглядел обескураженным. Только хмурым, наверное потому, что башка у него до сих пор ныла.

– Ты бы этого не сделал, – убежденно сказала я, но положила пачку на видное место. Кстати... он знает о предохранении? Это я в своем мире не продумывала.

– Еще посмотрим, – он мрачно воззрился на меня. – Хватит вести себя как зазнайка. Ты не знаешь, что я сделаю в следующую минуту.

– Но я тебя знаю, – я уселась напротив него, он неохотно сел прямо и скрестил руки. Я вытянула губы. Так... – У тебя не было родителей.

Он скептически поднял брови.

– Отец умер в тридцатилетней войне, а мама не дожидая до твоего восьмилетия.

Он неприятно нахмурился.

– У тебя не было сестер и братьев. Еще ты любишь суши. Учился на боцмана, но в первый же месяц был схвачен разбойниками и провел у них несколько лет. Потом год скрывался от полиции. Ну, – торжественно улыбнулась я, – что из этого правильно?

– Про родителей.

Я заткнулась.

Он встал, обошел меня и начал ходить по комнате. Кажется, подходил к окну, осматривался. Я повернулась, когда он, морща нос, смотрел на кучу старых флаконов и лаков, которые у меня с мамой просто руки не доходят выбросить.

– Я хочу извиниться.

– За что?

– Ну, то что я так резко. Информацию надо выдавать дозированно.

Он, сморщившись, потрогал на шее кулон.

– Ну, вот я знаю, откуда кулон. Королевский.

– Ты говорила, царя.

– А разницы нет. Его надо притащить в башню Святых

Отцов до конца седьмого месяца, полуночи.

Парень напрягся.

– Для чего?

– Это я еще не придумала.

Он вдруг резко оказался рядом и зажал мне ладонью рот.

Его взгляд метал молнии.

Было больно.

– Что там будет? Говори!

– Ме маю! – промычала я. Он сдавил сильнее.

– Говори!

Я пискнула. За дверью послышался шум. Заглянул отец, но в этот момент я уже дышала безразмерной футболкой, в которую одели персонажа перед тем, как он лег спать. Парень с силой прижимал мою голову к груди, не давая вздохнуть.

– Что тут у вас происходит? – понизил голос отец. Но к своему ужасу я заметила, что он не так уж и зол.

– Мы вспомнили разногласия, – сказал парень. – Уже улаживаем.

Я слышала, как папа еще стоял, сопел, а потом закрыл дверь, ничего не сказав.

Я насилу вырвалась. Теперь была ужас растрепанной.

– Говори, что там будет, – тихим скрежещущим голосом прошептал он. – Возомнила себя творцом? Так отвечай.

– Я не знаю. Не придумала.

– Придумывай!

– Кого-то убьют!

– Что?

– Всегда кого-то убивают, – я дышала, перед тем отшатнувшись от него. – Это беспроигрышный ход.

– В чем без проигрыша?

– В искусстве драмы.

Он сдавил себе зубы так, что мне самой стало больно. Я потрогала свою челюсть.

– Ты действительно сумасшедшая. Но раз ты говоришь о том, что творишь, тогда ты затащишь меня обратно.

«Я не знаю как», – хотела я сказать.

– И мне безразлично, как ты это сделаешь.

Он встал, порыскал глазами на комодке и взял пачку презервативов.

Я сделала выдох, а в голову начала приходиться мысль, что надо было персонажей по-другому писать.

Когда я была маленькой, я всегда сочиняла истории. Но не запоминала. В моей голове играли жизни, проживали детские беды и радости, а первое творение вылилось на бумагу жуткими повторами и штампами, которые я, к славе своего гения, по большей части забыла. Через много лет я узнала, что это был фанфик. Мешанина из просмотренных мною мультиков, разных сериалов и чуть-чуть прозы Чехова (ве-

ликого я не любила, но в текстах толк даже тогда понимала). Поняла я, что это фанфик. И устыдилась. И решила, что никогда больше не буду писать.

«Не тут-то было» сопровождало меня даже не с того момента – всю жизнь. Не знаю, что бы отвадило меня, если б я писать не смогла... Произведения состояли из кучи набросков. Все новые и новые записи, которые я надеялась когда-то превратить в печатные книги. Я всегда думала об издании. И никогда не понимала людей, которые пишут в стол или хвастают своими творениями на интернет-ресурсах.

Тогда же появился интернет.

Я поступила на журналистику. Перестала строчить в блокнотах, которые к тому времени превратились в черное месиво буковок и поправок; перенесла что-то из них в компьютер и неожиданно для себя выложила в сеть.

Совсем чуть-чуть. Не самое лучшее.

Но быстрый, первый и единственный комментарий моментально отбил у меня охоту писать. Я почувствовала, что я бездарность.

Комментарий был вовсе не обидный. И от девушки, которая к тому времени посещала курсы. Он был дельный, и был субъективный. Но мне показалось – как головой в прорубь.

«Спасибо», – написала я. – «Я исправлюсь».

И больше писать не садилась.

Даже через некоторое время, когда вместо полноценной

критики пришло «Хах, мне понравилось», я не воспрянула духом. Не поверила. Тут человек увидел и разобрал по полочкам, а этот – что ему просто понравилось?

До следующего захода в литературную прорубь прошло два года учебы.

Я рьяно засела за журналистику, намереваясь сделать ее профессией всей моей жизни. Если уж не умею писать литературно, то буду писать статейно – этому учат, и работу найду. Пусть за гроши. Пусть буду работать там, где мне все время будет тесно.

Я ненавидела журналистику. И поняла это только к началу третьего курса. Тогда же, через неделю, меня чуть не сшибла служба доставки, и Хаз спас меня из-под колес. Я попала в училище, где учат искусству, и с трепетом в сердце поняла, что мой мир, который я так долго засовывала вглубь, разросся как, если сказать метафорично, – японская розовая вишня.

Парню захотелось погулять. И я вызвалась с ним.

– Скажи все же, а как тебя зовут?

– Я не хочу тебе ничего говорить.

– Дай угадаю. Слава?

Он посмотрел на меня недоуменно.

– Будешь гадать? Еще по своему имени меряешь!

– Савой меня зовут только в училище. Здесь я Марина.

– «Здесь». Ты даже дом называешь «здесь». Настолько же

тебе проела мозги вся эта литературщина.

Я даже обиженно отстала, но потом догнала его, прежде чем он минул дверь с домофоном.

На улице накрапывал дождь. Такая противная погода стояла уже дня с два – не морось, не снег – лужи залезают в ботинки, боишься вляпаться в какую-нибудь хрень. Видом служили оттаивающие мартовские собаки.

Я семенила рядом, придумывая заковыристые имена, пока не поняла, что он направляется к метро.

– Тебе зачем-то в метрополитен?

– Ты про эту станцию с огромной «м»?

– Ну да.

– Туда мне тоже надо. Если ты не можешь придумать, как я отсюда уйду, сам найду способ.

– Ты знаешь, как это работает?

– Порталы везде универсальны. А обычнее портала твоего училища я еще ничего в жизни не видел. Значит, и здесь есть такой.

Я покивала. Какой умный.

Имена что-то никак не приходили в голову. Бред один.

– Может, ты Виталий?

– Нет.

– Тогда Сережа?

– Нет.

– Маргарин?

– Ты называешь меня маслом?

– Ну, когда у меня заканчивается фантазия, я обычно первым делом перебираю еду.

Он резко остановился.

– Перестань меня называть всякой мутью, – он насупился. – Ладно. Зови Олегом.

– Тебя правда зовут Олег?

– Ты же все знаешь! – скептически покосился он.

– Ну, я не могу знать все детали. Обычно я исследую мир по мере написания.

– Как это?

– Только когда пишу, это становится правдой.

Он снова посмотрел на меня.

– Записываешь – и правда?

– Ну да, – я припомнила. – Когда в училище попала, меня сначала к картинщикам засунули, так я там такого напридумывала... Кубизма. А когда записала, что я хотела нарисовать, то это сразу ожило. Правда, тоже, кубически.

– И ты мне об этом не говорила, – хмыкнул он.

Я удивилась.

– Ты не спрашивал.

– Спрашивал я или не спрашивал, – мы подходили ко входу в метро, – если меня выбросило рядом с такой, как ты, то будь уверена: тебя скоро придут убить.

Я резко остановилась. Он обернулся.

– Чего меня? – вылупила я глаза.

– Убить, – сказал он с потрясающим равнодушием. – Чтоб

такое могущество пропало на добрые дела?

Я фыркнула.

– Я не могущественна.

– Ну, это пока. А вот научишься творить, как велит воображение, еще меня сумеешь доставить по адресу, – его голос понизился до шепота, – тогда за тобой и придут.

Я скосила глаза влево на темное пятно, появившиеся из гранитного покрытия перил метро-входа. А в следующую секунду оно кинулось на меня.

Глава 4

Люди в городах потрясающе безразличны. Этому учит их сама природа мегаполисов. И когда на нас напала эта тварь, никто не обернулся на мой крик, как будто так и было нужно.

Крыса. Огромная, черная, с серыми бусинами глаз и серебряными нитями в шерсти. А когда я закончила выдумывать ее покрову новые эпитеты, она кляцнула зубами в двадцати сантиметрах от моей шеи. Потом ее пронзил кинжал.

Олег вытащил с усилием острое оружие, и в следующее мгновение темное пятно от крысы испарилось.

– Ты ее убил?

– Нет. Эту тварь не убить.

– Кто это?

– Это черный вестник. – Олег сощурился и недобро взглянул на меня вниз. – Тебе снился он сегодня?

– Не знаю. Наверное, – соврала я. Вспомнила, как на моих ногах смыкаются серые зубы. Я подтянула коленки.

Олег сплюнул.

– Вот ты дура, – он отер кинжал о штаны: тот был сухой. – За тобой приходил вестник, а ты даже этого не заметила.

– Откуда я знаю, как они выглядят? – нахмурилась я.

– А у них нет фиксированных обличей, – развел руками парень. – Приходят все в черном, но могут быть и тараканом, и мошкой, и блохой. Иногда птицей. Каким-то несуразным антропоморфным. Могут деревом прикинуться. Но общее одно – они несут смерть.

Я сглотнула и с ужасом уставилась на персонажа. За мной приходили. Еще раньше...

У меня все было четко написано на лице, таким красивым смертным почерком.

– Когда началось?

– Позавчера, – я дыхнула. – Дома. Потом в туалете, в училище.

– Какие замечательные совпадения, – у него на губах расплылась улыбка. – И потом в туалете появился я?

Я выдохнула.

– Это ты их привел!

– Молчи! Я тут не причем! Они шли, возможно, следом, но не за мной.

– А кем?

– Тобой, – сказал он как идиотке.

– Я ничего об этом не знаю, – замотала я головой. – Я не придумывала.

– Мало что ты думала в своей растрепанной головке, какие у тебя там розовые пони ходят, но эти вестники искали тебя, и в этот раз – да и в тот – тебе повезло, что я оказался рядом. Наверное, это единственная причина, почему кольцо забросило именно в твой мир.

– В мой мир? Забросило?

– Я доставал кольцо... – он осекся. Сказал мне подняться, пока на нас не слишком стали обращать внимание. Хотя народу не особо было – утро субботы.

Он что-то не договорил. Мне до смерти хотелось узнать, что!

Но с такими словами не шутят!

– Вот почему я еще здесь? – сказал Олег, почему-то с вопросительной интонацией. – Чтобы вытащить твою творцовую шкуру? Значит, если я не ушел к вчерашнему вечеру, придется это сделать сегодня.

– Я не знаю, как тебя вытащить.

– Хватит говорить отрицаниями, – разозлился он. Приблизил меня за воротник. – Если ты сегодня не найдешь способ, чтобы вернуть меня обратно, или тебе не поможет какой-то божественный случай, к завтрашнему утру сдохнешь. У меня не хватит кинжалов.

– Отпусти меня, – запротестовала я.

– Ты все поняла? – подтянул он ближе, отчего мне дохнуло

в глаза запахом его нечищенных зубов. – Либо подстегиваешь воображение, либо труп.

– Пусти, – я заплакала.

Впрочем, быстро прошло. Он сбросил меня с пальцев и скоро начал спускаться в метро. А у меня сжалось сердце. Потому что по закону жанра в метро были самые ужасные твари.

Я была права. Господи, я была права! Ну почему?! Вот в первый раз жалею, что не читала Глуховского!

Когда мы спускались по эскалатору, она была там. Бешеная. Рванулась! – я побежала, вскрикнув, грозив самой себе переломанной шеей.

Затем услышала хруст.

Беззвучный утопающий вой.

Меня в спину толкнул Олег.

– Что застыла?!

– Граждане-пассажиры, при спуске по эскалатору не бегите, не обгоняйте впереди идущих...

– Быстрее, беги!

Я проигнорировала лицо работницы, которая из кабинки смотрела на меня густо накрашенными глазами.

Твою мать, да на мне сейчас самой лица нет!

Олег толкнул меня к поезду. Я остановилась, когда вагоны подъехали, тормозя; оперлась на коленки: и увидела, как из глубины второго пути на меня зырят два страшных вы-

дулленных красных глаза – зрачков нет! Я затеребила Олега, он обернулся; впихнул меня в поезд, – мы заслужили возмущенные крики толпы – поезд не закрывал двери. В толпу было не пробиться, поезд стоял открытым; эти две страшные твари, как черные тени привидений – дементоры – издали что-то, похожее на метро-глас, – такие звуки остались от старых вагонов, когда они катят по подземке – ринулись в толпу на платформе, одну тварину сшибло приехавшим поездом, вторая виляла среди людей....

– Двери закрываются...

Она не успела даже впечататься в стекло с обсыпавшейся строчкой текста. Завязла где-то меж двух потоков людей, которых в субботу было почему-то слишком много. А жаль, такая драма...

Господи, что я думаю?!

Я глотала слюни под злобные взгляды стоявших впереди и сзади меня. А ведь это они держались за перила, не я! Олег посматривал, как я судорожно восстанавливаю дыхание, и пытался не упасть, когда машинист резко тормозил.

Мы вышли через две станции.

– Они за нами гонятся?

– Конечно, поэтому я и вышел, – он не обратил внимания на мой глупый вопрос. Огляделся. – Увидеть их на открытом пространстве будет реальнее. И люди мешают.

– На этот раз люди нас спасли, – я села на корточки.

– И мы сами чуть в них не увязли, – заметил он, я не стала

спорить.

Мне все это уже казалось сном.

– Почему это со мной происходит? – я схватилась за виски.

– Мне отвечать?

– Нет.

– Тогда идем. И давай придумывай.

– Что?

– Как нам попасть в твое училище.

Я немного не догоняла.

– Зачем нам туда?

– Ты надеешься выжить без помощи? – парень неприятно скривился. – Ты сама ничего не можешь, так, может, хоть другие что-нибудь придумают. Там есть учителя.

– Эти твари там тоже были!

– Ну и какая разница? Что здесь ты убегаешь от них, что там. Там хоть творцов побольше.

Я сглотнула.

– Сейчас суббота. Никого нет.

– Тогда слушай сюда, раз с первого раза не понимаешь, – он притащил меня за воротник – это уже стало противной привычкой. – Меня выкинуло туда, значит там проход. Найдем – убежим. Ты надеешься меня отсюда забрать? Ты же ничего не умеешь!

– Не умею, – признала я. Хотелось разрыдаться. Глаза щипало.

– Избавь меня от женского, – скривился он. – Горазды.

– Да что ты понимаешь?! – жалобно крикнула я, когда он меня отпустил.

На углу через дорогу мне показалась тварь.

Показалось!

Но Господи, как попасть в училище?

Меня обычно забирали сами, в будни. А сейчас суббота.

Все дома.

– Я не знаю, кто из них где живет, – растерянно сказала я.

– И не надо. Пошли в училище.

– Я не знаю, где училище! И как в него попасть!

Он глянул на меня тяжело.

– Истеричка. Как ты попала туда впервые?

– Авария.

– Вот это мы и устроим.

– Что? Нет!

Он тащил меня к дороге. Нет! Он вцепился как клещ, и прохожие с испугом шарахались от нас. Милиции рядом не было. Тьфу, полиции. Какие же у него цепкие пальцы. Не отодрать.

– Пусти меня!

Он махнул рукой, отчего я полетела на шоссе: как раз дали зеленый...

– Совсем спятила?! – это был Хаз. Он рванул меня назад прямо перед носом грузового.

– Это он! – я ткнула в ненависти в Олега. Тот подошел

ближе.

– Придурок, – выругался Хаз и замахнулся на персонажа.

– Что? Веди нас в училище!

– Зачем?

– Тебя не спросили. Быстро. Мы не знаем, как туда попасть.

Хаз почему-то посмотрел на меня недоуменно.

– Вам и не нужно туда. Суббота.

– Веди.

– Да какое ты право...

– Я тебе язык отрежу, – в момент кинжал Олега оказался около шеи лаборанта. Тот сглотнул.

– Ненормальный, – он, кажется, щелкнул пальцами, и в следующую секунду мы уже стояли на голом полу.

– Спасибо, – промямлила я и пошла к аудитории. Любой, лишь бы там был кто-то, помимо нас.

Решила остановиться на кабинете основ композиции.

– Не спеши, – дернул меня за руку перс.

– Что ты хочешь?!

– Сначала узнай, как доставить меня. А уже потом защищай свою шкуру.

– Думаешь, мне интересна твоя жизнь? Погибнешь – перепишу!

Он страшно сильно сжал мои запястья и приблизился нос к носу. Глаза как у орла были – страшные!

– Не смей распоряжаться моей жизнью, девчонка! – он

шипел как мифический змеелев. – Если ты не можешь спасти свою шкуру, то как мне надеяться на целостность своей? Сначала забрасываешь меня, потом делаешь свою жизнь.

Я пискнула, и он отпустил мои руки. У меня пошла колкость.

Я открыла дверь, потирая проступившую пятнами красноту.

– Савельева? А ты как тут? – Грег, наверное, впервые не выругался.

– Мне нужна помощь. Я побуду тут.

– Сегодня суббота, – повернулся Грег к какому-то мужчине. – У тебя нет занятий.

Я оглядела аудиторию, которая почему-то была полной. Ребята смотрели на меня как на привидение, явившиеся им в не очень продуманной страшилке. Это же суббота, все занимаются?

– Сегодня у студентки нет занятий, – сказал мужчина в плаще. Он посмотрел на меня. – Но пусть проходит.

Я хотела брякнуть «спасибо» и сразу подойти к Расковскому – значит, тут есть и директор. Но споткнулась. Бросилась назад.

У мужчины голова обернулась черным ястребом.

– Бежим! – крикнул за меня Олег – мы уже неслись по коридору, когда птица разинула свой клюв в дверях аудитории. И заклокотала.

– Где туалет?!

– Не знаю!.. Черт, за поворотом. Лестница, вниз!

Мы понеслись туда.

Перепрыгивая через три ступеньки, я подвернула себе ногу. Было больно – я побежала.

– Что кричишь?

– Нога!

– Оно услышит!

Оно услышало: раскинуло крылья в начале лестницы – крылья-плащ.

Олег бросил меня внутрь туалета, я умыла собой кафельный пол.

– Перемещай меня!

– Что? Как я буду...

– Перемещай!

– Это мужской туалет! Все было в женском!

Парень яростно оглядел висячие писсуары.

В дверь стукнулось тело. Скрипнули петли.

Еще раз.

– Делай! Что тебе надо для этого? – ревел персонаж.

– Ручка, – выдохнула я. – Бумага.

Этого нет.

Ругаясь, Олег отмотал рулон бумаги, бросил передо мной. Достал кинжал.

У меня тянуло болью ногу...

Чиркнул кинжалом по ладони.

– Пиши. Пальцем!

Я макнула в красную кровь дрожащий указательный.

Дверь сносили с петель.

Я не знала, куда нам надо идти, где живет этот персонаж.

Мне всего лишь хотелось унести отсюда ноги. Но в мыслях стояла сумасшедшая черная птица – и она нацеливала когти мне в шею...

Когда сломалась дверь, дерево врезалась парню в спину.

Кровь закончилась.

Но мы уже были не тут.

Я постанывала на жесткой древесине. Мне вывихнуло ногу, все-таки вывихнуло. Я теперь не могу ходить...

Олег встал, покачиваясь, и на взгляды посетителей отвечал рассеянно. Дыханием. Черт возьми, где мы?

– В Урюке, – выдохнул он и взял меня за плечи. Я вскрикнула – боль в лодыжке была невыносимой. – Каким-то чудом ты забросила нас куда надо.

– Куда надо? – тихо простонала я.

У меня мутилось в глазах. Кажется, от боли я теряла сознание.

– Город, где я вырос. Конечно, это далеко от столицы, но все лучше, чем непонятно в какой дыре.

Я оперлась на здоровую ногу, и она подкосилась.

– Держи меня.

– Вот еще.

– Ну пускай. Я упаду.

– Ты не должна была забрасывать себя следом.

– А был у меня выбор? Я всего лишь написала, что хочу спастись. Что мы окажемся в баре, который ты знаешь...

Работник за стойкой перестал тереть стаканы и обернулся в поисках крепкого.

Часть 2

Глава 1

– Ну и как вам хоромы? – посмеиваясь собственной шутке, чтобы гостю было уютнее, произнес я, промокая губы в красное вино.

К ночи чувствительность языка притупилась, поэтому определить, что налил мне Анкольд в этот раз, я затруднился.

Еремир, кивая, оглядел комнату немного... оборзевши. Это чувство мне понравилось.

– Мне следует быть довольным, и я доволен, – произнес мальчишка, жмурясь от крепкого вина.

Надо же, оно ему крепко. А ведь сколько разницы между нами? Едва ли пять лет.

Я поставил кубок на столешницу.

– Рад, что вам нравится, принц. Если что-то нужно, вы всегда знаете, что стесняться нежелательно. Позовите кого-нибудь из слуг – они быстро выполнят вашу просьбу.

– Если моя просьба выполнима, – хихикнул Еремир, отпивая еще больше вина.

Мальчишка...

– Нет ничего невыполнимого, Еремир. В моем царстве –

это так.

Принц посмотрел на меня поверх кубка, и я заметил по глазам, что он готов.

– Тогда можно мне увидаться с принцессой?

Я рассмеялся.

– Моя племянница находится за гранью всего выполнимого и невыполнимого в том числе. Так что эту просьбу я отклоню.

– Я хочу хоть раз ее увидеть.

– У вас будет время на балу, до свадьбы, – улыбнулся я и поднялся с места. – Спокойной ночи, принц Еремир.

– И вам, высочество!

Закрывая дверь, я не преминул слегка поморщиться. Ох уж это прозвище.

– Зальд. Зальд, – пальцами подозвал стражника, охраняющего покои принца – и теперь почему-то шатающегося без дела? – Спустя двадцать минут пропусти сюда службу.

– Но принц будет спать, ваше величество!

– Не будет, – я махнул рукой, и стражник поклонился. Чтобы принц спал, когда я ему приведу такую «службу»?..

В моих покоях уже были две девушки.

– Вы сегодня устали, ваше величество? – мурлыкнула одна.

– Устал, – я устроился головой у нее на коленях. – Столько господ в одном месте – кто не утомится?

– Мы снимем с вас усталость, ваше величество, – сказала

другая с черными пышными кудрями и придвинулась ближе.

Я заглянул в ее глаза. Страх.

Как это замечательно.

Тех, кто знает, как разговаривать с окружающими, всегда ожидает дивный мир. Все твои желания, исходя из этого возможности – надо знать только, как убеждать и что говорить...

Вольх знал, как говорить.

Правитель Зенсиса – не полноправный правитель, регент, до вступления в право своей племянницы – он широко улыбался людям, он всегда знал, что отвечать на их просьбы. И что требовать взамен. Восхитительно было – править. Это чувство можно сравнить с бургундским напитком, который, при правильном смешении с кое-какими другими ингредиентами, дает потрясающий пьянящий результат.

Когда зима скатывала свои покрывала, убирала лапы с промерзших улиц, в лесах оставляя еще следы, у принцессы Демиды должен был случиться славный праздник – ей исполнялось восемнадцать. И к этому празднику Вольх готовился.

До совершеннолетия оставалось не больше трех недель. К этому времени приглашения были разосланы, а в королевском дворце уже гостили трое почетных господ. Им Вольх стремился уделить больше всего внимания. Богатые столы, музыка, вино – и качественное обслуживание. Вольх

был уверен, что когда-нибудь не только император Хитанта, страны, граничащей с Зенсисом по северо-восточной части, уступит соблазнительным формам служек, имевшимся у Вольха в достатке – наследство от родителя. Конечно, с императрицей Далании, ныне вдовствующей, приходилось повозиться, но Вольх и сам надеялся отхватить себе часть – хотя больше это относилось к императорским землям, нежели к тому, что скрывала за собой показная женская неприступность. Еще одним гостем его дома был принц Вященский – мальчонка, помолвленный с принцессой Демидушкой, ни дня не мог прожить, чтобы не попросить встречи с ней. Правитель, улыбаясь принцу, велел девушке сидеть в комнате – еду ей принесут, слуги развлекут разговорами, но видеться с неугомонным Еремиром ей совсем не обязательно. Пусть его развлекают служки.

Единственное, что беспокоило Вольха, почти каждый день и по нескольку раз – это положение вдовствующей императрицы – ее собственному сыну недавно исполнилось четыре года. Это могло бы стать проблемой. Хотя вполне решаемой.

Рульда очень волновалась, когда впервые вступала в эти стены. Кто об этом мог бы мечтать? Уж точно не она. Как может сиротка, вскормленная теплом неродной ей бабки, мечтать когда-нибудь, что окажется она в самом дворце! Словно история про принцессу. Она сама как принцесса. Наверное.

Теперь.

Как она попала на кухню? Все это казалось таким далеким, что девушка и не помнила. Ей очень велико было платье, цвет не нравился – был коричневым, будто темная жижа, ботинки тоже были велики – но разве это стоит, чтобы возмущаться? Рудьда видела, как девочки, что работают тут дольше, ходят в более элегантных одеждах. И цвет у них – бежевый, более мягкий. Когда-нибудь она дослужится до такого, и тоже будет носить одежду, которая будет ей по вкусу.

А пока вкус надо было дарить другим.

Повариха на нее прикрикнула.

– Тебя где учили?! Думаешь, господа будут есть твоюстряпню?

Рудьда очень боялась и очень не понимала – как она уже может – готовить? Она думала, что будет мыть посуду, как говорили ей все, кто служил у знатных господ – она познакомилась с многими милыми девушками, когда искала работу. И ей было обещано притрагиваться к еде на кухне только после года труда на ней. И тут – такая удача? Его высочество допускал к готовке даже таких людей, как она. Конечно, еду дегустаторы буду пробовать – в этом нет сомнений. Но у Рудьды щеки загорались от такой чести. Она только на картинках видела сказки, а тут – в сказку попала сама.

И все же слышать кухарку было обидно. Она что, не старается что ли?

Хотя готовит так, как ее бабушка учила. Неужели не по-

лучается?

В обязанности девушки также входило носить воду, продукты, а еду, оставшуюся после приготовления знатным господам, относить работавшей здесь страже. Обычные слуги допускались для обеда в комнату рядом с кухней.

До этого пару дней с ней ходила девочка. Была она русой, светлые волосы все время из-под платка выбиваются, и зубы у нее были кривые, но смотрелось это очень мило. Рудьда цеплялась за нее, словно за соломинку. Алиса, так звали девушку, работала здесь четыре месяца.

– Ты знаешь как на мужиков смотри? Как будто ты их съесть хочешь! – Алиса надувала щеки, а потом громко смеялась. В эти моменты казалось, что она ничего не боится – и даже будто веснушки проступали у девушки на щеках. Хотя какие у русой – веснушки.

Но что-то сегодня Алиса прихворала, а на кухне не было рук, поэтому Рудьде пришлось нести приготовленное одной, в два захода.

Когда подходила к комнате стражи девушка в этот раз, – одна – ее немножко коснулась дрожь. То ли дело, когда плечо твое подруга поддерживает. Ей всегда казалось, что там сидят какие-то монстры. Они, взрослые люди, да даже парни молоденькие, – непохожи были на простоватых мальчишек с ее двора. Росла Рудьда в пригороде, совсем не в столице, – только если пешим пару дней идти или на машине часик-другой взять, но куда уж ей думать о машине – и там

мальчишки были все разудалые: Рульда видела и широкоплечих, и подкованных в дворовых драках, они широко улыбались всегда. Но она на них никогда внимания не обращала. Не то время было. И вот, когда время пришло, она перед собой каких-то зверей видела: такие они казались ей страшные, нависающие своей мощью и силой. Если к стенке прижмут, так это душу не заберешь. Говорили, что такие легко убить могут – кто на жизнь регента покусится. Вот Рульда никого бы кусать не стала – тем более его высочество!

Когда замерзшая от мыслей девушка открыла дверь, ее глазам представилось не меньше дюжины мужчин, играющих в кости. Девушку бросило в жар. Еще здесь было очень жарко.

Под кителями каждого из парней играли мускулы. У некоторых просто бухли плечи и руки. Такой мощи она и у медведей не видела – хотя только по экрану глядела последних. У некоторых были усы, у других лица чисты. Они смеялись, нет – гоготали, словно стая голодных животных. И что она делает, в этом логове, будто окруженная кольцом?

На девушку мало кто обратил внимание. Кухарок во дворце как кошек было нерезанных, и от смены лиц положение абсолютно не менялось.

Рульда просеменила к тумбочке, куда обычно ставили еду – на игорные столики она поставить поднос побоялась, но больше боялась, как бы мужчины не задели ее рукой – такие же страшные. Поставила поднос на тумбочку, обвела ком-

нату быстрым взглядом, – стражи не отвлекались от игры – и чуть не стремглав, вышла из помещения. Там только, на лестнице, вздохнула свободно. У них столько силы в руках, столько ада в глазах – смотреть-то страшно.

Глава 2

Агнесса как всегда была прекрасна. Хотя, может, это из-за далеких воспоминаний, которые наслаивались на образ уже замужней дамы. Хм... далеких? Не более года прошло.

За этот год она успела обзавестись мужем и пополнить в руках. Да и в животе – его не утягивал корсет.

На мою улыбку она ответила дрожью.

Даже не знаю, насколько это мне приятно.

– Регент Вольх, – сказала она первой и резко, будто надеялась, что я этим обижусь. С ее губ никогда не могло слететь колкое замечание. Я всегда умел их останавливать своими.

Ее муж поклонился мне и назвал высочеством.

– Благодарю, что ответили согласием, – расплылся в улыбке я и пожал ему руку. Скользкую.

– Не мог не ответить. Для меня эта большая честь...

Пока из его старого рта вылетала слюна и выпадали стандартные наборы комплиментов, от которых хотелось скрутить кому-нибудь шею, Агнесса чувствовала, что я слежу только за ней. Мне не надо было смотреть – она чувствовала себя не в своей тарелке, будто я впивался в нее глазами. Ко-

гда же, когда же я смогу остаться с тобой наедине?

Рульда очень удивилась, когда узнала, что Алиса и сегодня не придет.

– Ей очень плохо? – спросила она у посудомойки.

Девушка, которая работала здесь на два месяца больше, как-то странно посмотрела на Рульду. Как будто жалела и боялась.

– Очень, – ответила она голосом, который Рульда впервые слышала из ее уст.

Ей захотелось навестить Алису. Вдруг что-то плохое...

– Уволили? – Рульда не верила своим ушам. Ведь сегодня утром об этом ни шло даже и речи! А как только заикнулась... Ну ведь нельзя же, человек просто болеет. Она сама, Рульда, заменит Алису, сделает все, что та делает, пока не выздоровеет!

– Эка, девка, тогда ты вылетишь отсюда следом! Это ж столько – упахаться.

– Она надолго заболела? – испугалась Рульда. Ей говорили о страшных болезнях, поражающих только господ, потому что они дольше живут... Но ведь живя в господском доме – таком господском доме, – можно было заразиться. Наверняка можно. Ох, это какие же страсти...

– Надолго. А ты лучше не спрашивай, – кухарка хмурилась. И как будто тоже... жалела? – Иди и своим делом занимайся. Иначе тоже уволю.

– Но меня-то за что уволить?! Я не больна!

– Ох, девка, иди подобру-поздорову! – женщина даже притопнула ногой. Рульда юркнула в рабочий коридор.

Ну как же так. Алиса – она ведь такая веселая.

Брови Агнесса свела – но не показное ли это? Впрочем, я решил уступить ее женской прихоти.

Герцогиня оправила платье, хотя я ее еще даже не коснулся, прошла к окну в комнате, которую теперь занимала с мужем. А год назад она делила здесь ложе со мной. И не могла не помнить.

Мне доставляло удовольствие смотреть на ее эмоциональную незащитность. Потеряла она многое – и должна была очень жалеть.

Она оперлась рукой на подоконник. Я усмехнулся про себя – жалела. Пальцы упираются до побеления.

– Если вы хотели что-то сказать, регент, говорите сразу. Не понимаю, почему это нельзя было передать через моего мужа.

– Ты еще довольна, что выбрала его? – перешел я сразу к делу, желая насладиться ее реакцией.

Она повернула голову и вспыхнула.

– Не смей решать, что за меня делать!

– На «ты», на «ты», – усмехнулся я.

– Не смей оценивать мои поступки, – разозлилась она.

О, как это мило.

– Могу хотя бы оценить, что ты сбежала, – я окидывал взглядом комнату. – Променяла младость на старость, да еще какую: по-моему, даже теневые доходы не приносят ему столько, сколько имею я.

– Думаешь, я сбежала из-за денег?! – громким шепотом вскрикнула она.

– Уж точно не из-за чувств.

– Из-за чувств, – Агнесса сглотнула. – Ты знаешь, как я боялась.

Я сдвинул брови.

– И сейчас – ничего не изменилось. Я вижу...

– Тихо-тихо-тихо, ты говоришь опять вещи, которых не следует...

– Посмотри на себя, – я уже стоял к ней близко, – ты опять гонишь себя в могилу. Играешь с судьбой. Думаешь, я этого бы не боялась? Я и сейчас боюсь. Хотя никакого отношения к тебе не имею.

– Ты все еще думаешь... – я округлил глаза.

– Конечно. Ты пока еще в этой стране не закон.

Я был поражен. Она не может так думать.

– И сейчас, я уверена, ты готовишься это исправить!

В ее словах было столько ужаса. Столько ужаса в глазах.

Неужели я так пугаю?..

Я сглотнул. Агнесса боялась всерьез. Я боялся всерьез... принимая ее слова за чистую монету?

– За кого ты боишься? За меня?

– За принцессу.

– Почему ты не боишься за меня?

Агнесса замерла.

– Ты отвечаешь за свои действия. А она...

– Она уже больше не ребенок! – я отвернулся.

– Однако ты ведешь себя с ней иначе.

Через несколько секунд...

– Она понимает...

Я оглянулся и холодно посмотрел на Агнессу.

– Она понимает, – повторила герцогиня, которая теперь показалось мне жалкой пародией на себя прежнюю. Ее живот, подвязанный лентой, подпирал ткань платья, намекая на чудо, которое должно было свершиться через пару месяцев.

– Ты выглядишь жалко.

– Все беременные выглядят жалко, – она в испуге обхватила руками живот.

– Думаешь, я говорю о твоем ребенке? – женщина, которая никогда не понимала, как устроен мир. Потому она и родилась женщиной.

Я хлопнул дверью. Приходил за постелью, а получил лишь горькую толику чужих воспоминаний и страхов. Она занимается любовью с этим обрюзгшим стариком...

Рульда сглотнула. Ей показалось, что за ней кто-то следит. А на следующем повороте... Ах, стражник!

Глава 3

– Испугалась?

И назавтра боялась. Рульда обняла тарелки крепче, подбросила выше – только бы ужас не отразился в глазах.

Ох, какой красивый. И пугающий, боже какой пугающий. Такой, зверь, она видела его среди других стражников, как-то запомнила, хотя все они на одну страшную рожу. Мускулы выпирают, будто хотят все вокруг заполнить, и удушить... Он не преграждал ей дорогу, но почему-то стало страшно, что он вот, сейчас, отберет ее тарелки, что-нибудь с ними сделает – и тогда конец ее работе.

Стражник был с желтыми кудрями и верхней кривой губой.

– Нет, – пискнула Рульда. – Я не боюсь.

Прошла мимо стражника, быстро-быстро, просеменила, чуть не бросилась наутек. Смотрит ли он ей вслед? Что думает? Хочет ее уволить? Она уже не знала, о чем подумать, Алису уволили, а та всего лишь болела!.. Может, он что скажет про нее, что-нибудь наплетет!.. Не связывайся со стражниками, говорили ей, только приноси еду, от тебя ничего более не требуется...

Императрица Далании смотрела с той же холодностью, если удавалось поймать ее взгляд. Где же граница презрения?

Эта женщина провоцирует меня на те же чувства?

Впрочем, так даже интереснее. Когда еще игра не удавалась?

– Я была у принцессы Демиды в покоях.

Я еле сдержал свирепствующую волну, которая подкатила к горлу при этих словах.

Вокруг слишком много людей. Не могу ж я при всех злиться.

Новые приезжающие выражали мне приветствие кивком головы.

Одиная пригубила вино. Закрывается бокалом, чтобы я не мог наорать на нее во всеуслышание!

– Вероятно, принцессе это доставило большое удовольствие – разговаривать с вами, – я натужено улыбнулся, почти оправившись. – О чем вы говорили?

– О том, какой тиран ее дядя.

Змеиный вонзающийся взгляд.

– Она так считает? – ответил я на него.

– Нет. Такого мнения я.

С этой женщиной придется повозиться. Но в конце концов, какой в итоге куш?

– Почему же я тиран? Демидушка может присоединиться к нам, но не хочет.

– Думаете, я не вижу, что она на самом деле думает? Ей очень хочется вырваться из этой клетки.

– Дорогая императрица, – мягко начал я, запомнив со вни-

манием слова и тон, с которыми они были произнесены. – Мы с вами в одинаковом положении, вам не кажется? У нас у обоих есть, о ком заботиться. Каждому, в нашем положении, требуется принимать на душу грех, который нас совсем не устраивает. Вы любите своего сына?

– Конечно! – горячо шепнула она и отодвинулась, будто я хотел забрать ее ребенка. Ну, не сегодня.

– И я люблю Демидушку. Всем сердцем. Всем чувством, на которое способен любящий дядя. Я стремлюсь ей даже заменить отца.

– Вы умеете играть со словами, – сощурилась женщина. – Именно поэтому я не могу принять их на веру.

– Вы слишком плохого обо мне мнения, – улыбнулся я.

– У меня есть причины.

– Принцесса?

– Нет. Вооруженный отряд на границе моего государства.

Эта женщина смотрела на гостей, вся переполненная гневом.

Очень умна. И чрезмерно глупа.

– Вам показалось, ваше высочество.

Сердце билось, билось, билось.

Рульда никак не могла заснуть, все думала о нем, об этом стражнике – какие у него мощные плечи, какие глаза, какое лицо. Ой! Она как думала дальше, так в краску бросало! Ах, нельзя же так, нельзя! Это какой же позор – о таком думать!

Она перевернулась на другой бок, побеспокоив лежащую рядом соседку. Та нахмурилась во сне.

Вот если бы она работала не на кухне. Была бы дамой... Ох, а о чем мечтает принцесса? Если захочет, то все будет у ее ног. Только прикажи. Рульда вздохнула. Она связана работой, она связана домом, она связана в конце концов происхождением.

Надо навестить бабушку.

А какой этот стражник должно быть сильный... Аж страх берет. Теплый такой.

Глава 4

Стражник немного сконфузился.

– Выгоняет, ваше величество.

Я вдохнул через рот – и выдохнул. Ох ты, мальчик, Еремирик, ну кто от такого отказывается?

– Говорит, что хочет видеть только принцессу.

Я постучал по щеке.

– А в предыдущие ночи?

– Служки не работали, – поморщился начальник. – Докладывали, что он сразу спал.

– Уволить девушек, – сказал я, но подумал: – Кто там из них?

– Вятха, Лона, Витиха, Гера, – сверился с листочком стражник.

Я на секунду задумался.

– Уволить, – подтвердил я. Даже Гера не стоит того, если не выполняет задания.

– Еще приказания будут?

Я постукивал пальцем по подлокотнику, смотря на окно.

– Принцессу не выпускать – единственное приказание, – полуобернулся я в кресле.

Стражник кивнул и вышел.

Я смотрел на окно, смотрел. Еремир – и вдруг такая настойчивость. Надо ему примешивать больше дозы в вино.

– Как он себя чувствует? – спросил я по внутренней рации, нажав на кнопку.

– Он молчит, ваше величество. Но состояние в норме.

– Хорошо, – я нажал на кнопку снова, и продолжил наблюдать через окно. А он за это время ни разу не пошевелился.

***

Как же мне хотелось расслабиться. Вся эта подготовка жутко утомляет! Говорил только себе, что это для дела. Но...

Геры нет. А о других девушках сегодня думать отвратительно.

Я постучался.

Открыл без предупреждения, поэтому застал императрицу врасплох. Она запахнула вторую грудь в халат, но я успел

увидеть необычайную белизну царского тела.

– Регент Вольх! – у женщины играл на щеках ожидаемый румянец. И приятнее было, что он не сходил еще долго, дольше, чем я мог предполагать.

– Я хотел поговорить о делах, ваше высочество. Но, кажется, невовремя...

Женщина отвернулась и подвязалась поясом. До меня она снимала макияж – понятное занятие, учитывая, что ее слугу я заранее, настойчиво попросил уйти пораньше.

Я развернул пуф и сел напротив дамы. Она вроде бы сохраняла достоинство, хотя смотрел я на нее снизу вверх, оперевшись локтями в ноги.

– Я сожалею, что вам пришлось думать, будто моя страна желает напасть на ваше государство. Уверяю, все, что вы знаете об отряде, – слухи. По крайней мере, они не имеют отношения ко мне.

– Вы могли мне сказать об этом утром.

– Я не мог дожидаться утра, – я переменил позу, отчего императрица насторожилась. – Мог бы, если бы вы не находились в моем дворце. А для меня положение гостей составляет первоочередную заботу.

– Рада это слышать, – женщина сомкнула губы и бросила взгляд на дверь. – Но если это была единственная причина, по которой вы явились в мою комнату посреди ночи, то уверяю, она не имеет под собой оснований для беспокойства.

Вот. Уже не имеет оснований.

– Где же ваша слуга? – спросил я, «удивившись».

– Я отпустила ее раньше, – императрица действительно решила, что она соврала.

– Мне прислать ей замену?

– Не стоит... Хотя было бы неплохо, ваше высочество, – женщина явно посмелела.

Я улыбнулся. Поставил пуф на место и поклонился даме. Она слышно вздохнула, когда я выходил из помещения.

И каким же удовольствием было увидеть страх, который захватил ее лицо, когда я вернулся двумя минутами позже.

– Что вы здесь делаете?

– Слуги все заняты, – я щелкнул замком. – Я помогу вам сам.

– В этом нет необходимости.

Тело женщины еще не было старым. Она едва переступила тридцатилетний рубеж – я чуть младше ее, мы почти ровесники, *почти ровесники* – а значит опыт, накопленный за десятилетие жизни с мужчинами, должен был в разы превосходить знания малоопытных служек. Может, она даже лучше Агнессы.

Женщина не закричала, хотя могла была. Но теперь она точно не сделает этого, раз испугалась в первый раз.

– Я прошу вас – уйдите.

– Отчего?

– Мне не нравится ваше присутствие.

– Почему? Я – властитель Зенсиса, молод, красив, хорош

собой не только лицом.

– Прекратите это говорить...

– Я чем-то вас не привлекаю?

Я уже мог разорвать на ней ткань, но эта женщина сохранила самообладание.

– Своими намерениями. Я полноправная правительница Далании, я наравне с вами.

– Не такие уж мы и равные, – прошептал я, наклоняясь к ее лицу. – Вы женщина, у вас есть женские слабости.

– У вас есть мужские.

– Да, есть, – я отдернул халат.

Она отбивалась.

Но не кричала.

Боже, да правда?

Ее тело было жгучим, и податливым. Очень полным и лоснящимся силой.

– Вы не смеете этого сделать!

– В ваших же интересах, чтобы об этом никто не узнал.

Она зарычала. О, как это великолепно.

В конце концов, бой – это так сладко. Женщины любят прелюдии.

Какие бы ни были женщины, они любят прелюдии.

– Если вы сделаете это, вам не видать со мной мира!

Я залепил ее слова поцелуем. Она брыкалась, но я уже совсем ее раздел.

В конце концов, в конце концов, ну же... О да, я не мог

быть отвратнее мужчин, что у нее были! Я имел больше опыта, чем тот, кем она удовлетворяла свои похоти последние три года.

Она вдыхала жарко и пылко.

Это чувство, когда запретный плод все еще запрещен, но он твой.

Она начала драться. Боже, женщина, ну зачем ты все рушишь, тебе всего лишь надо бы повиноваться!

– Я расскажу об этом всем, – всхлипнула она, не в силах из-под меня выбраться.

В этот момент я разозлился.

– Тогда вы больше никогда не увидите сына.

Она застыла в страхе. Осознав.

Женщина, ты все испортила!..

Последние минуты – были просто пародией! Она превратилась в бревно! Неповоротливое!..

Я залепил ей пощечину.

– Ваше величество? – Я сунул в руки отрапортовавшему стражнику ключи.

– Увести императрицу Далании в подвалы. Чтобы минимум удобств!

– Д-да, ваше величество.

Я все еще был зол. Как она могла, эта баба, отказаться от такого?!

Теперь мне еще воевать с их страной!

Хотя, конечно, все могло бы обернуться совершенно не

так...

Ах, больно! Как же больно!

Зажал ее зверь у стены, и теперь больно, невыносимо больно!

И не только телу – душа болит. Ну как можно, она не думала такое! А оно, оказывается!..

– Двигайся, баба!

Рульда всхлипывала. Но казалось, никто не слышит! Весь коридор пуст, ночь – а никто не слышит! Ну хоть кто-нибудь – она так боится кричать!

Этот стражник был зверем. Зверем. Настоящим – обмануло сердце. Подсунуло картинку с экрана. И что губа кривая, думала – оно такое, шарм прибавляет. А прибавляло только злости – у него из-под губы будто клыки выглядывали.

И было все долго. Невыносимо долго.

Что сил уже плакать – нет.

Регент Вольх пребывал в хорошем настроении.

– Он проснулся? – спросил правитель у охранников. Те предупреждающе кивнули.

Вольх еще более повеселел.

– Принесите мне стул, – распорядился мужчина, и вошел в камеру.

Глава 5

В помещении слегка воняло. Вольх подумал, что стоило бы захватывать с собой травы, чтобы они перебивали этот неприятный смрад. Впрочем, он не так часто здесь появлялся.

С этой стороны оконное стекло было зеркалом, и правитель, уверенный, что на него оттуда никто не смотрит, проверил чистоту своих зубов.

Пленник следил за ним исподлобья. Его осунувшееся лицо тем не менее выходило каким-то пухлым. И щеки он держал так, будто что-то за ними прятал.

Вольх наклонился к его лицу.

– Привет, творец.

Мальчишка дернулся, но все что он мог – это изобразить удивление глазами: руки были связаны сзади табурета. Странно... всего лишь удивление?

Вольх не показал легкого разочарования.

– Как ты себя чувствуешь?

– Откуда вы знаете, кто я? – он шамкает? Вольх сощурился, внимательно следя за его лицом. Затем взял подбородок и насилу раздвинул челюсть.

Второй ряд зубов.

Это уже интересно.

– Ты сделал сам? – улыбнулся Вольх, освобождая мальчи-

ка. Он недовольно задвигал челюстью.

– Ты сделал сам? – пришлось повторить правителю настойчивее.

– Нет, – и голос паренька вышел совсем слабым.

Но он опять его не боялся.

– Жаль, что не сам. Это бы продемонстрировало, что ты можешь. Было бы выше всяких похвал, – Вольх ходил взад-вперед по помещению. Затем снова обратил глаза на следившего за ним щеночка. – Знаешь, почему ты оказался здесь?

– А вы сами знаете?

– Знаю, – Вольх улыбнулся вежливому пленнику. – Из-за меня.

– Почему? – мальчишка заерзал. Впервые появилось подобие тревоги.

– А зачем нужен творец?

И теперь его страх стал ожесточенным и реальным.

Мальчишка вылупил глаза и вдруг закашлялся.

Я поднял его за волосы.

– Ты ведь поможешь мне?

Его лицо исходило кровью.

– Ну же!

– Я не мо... гу, – услышал я хрип.

Бездарь!..

Я хлопнул лицом.

Вольх вручил ключи стражнику. Последнему показалось, что взгляд правителя какой-то странный. Но охранник побоялся спросить.

– Что делать с пленником?

И этот странный взгляд теперь обратился на него.

***

Рульда споткнулась у самого подножья лестницы. Стоило же столько терпеть ступенек, чтобы сейчас...

Девушка выставила перед собой мешок и обняла его крепко. Ей показалось, что у нее пол уходит из-под ног. И если за мешок не держаться – она совсем останется беззащитной. Свалится – вполне может, и с мешком.

И этот поворот принес человека. Рульда рухнула на пол, больно ударившись попой. Но удара не заметила. На нее смотрел государь. Как же, не могла она его не узнать.

Теперь не поклониться.

Рульда молча смотрела на мужчину. Который молча смотрел на нее. И взгляд его казался ей полным презрения.

Да, вот что к ней всегда испытывали. Все. Даже бабка, наверное, питала презрение, она же не родная ей была. Так и не смогла стать родной внучкой. И девушки на кухне питали презрение. И стражники. И стражник.

У Рульды на глаза стремительно бросились слезы.

Она всхлипнула, чтобы их отогнать – а то, негоже. Но пра-

витель уже давно прошел мимо.

Девушка обхватила мешок, сцепив руки в локтях. Тело внутри отозвалось болью. Воспоминания принесли в голову ту же боль. Девушка закрыла глаза и уткнулась в мешок.

Алиса. Теперь я узнала, какая у тебя была болезнь.

Часть 3

Глава 1

Олег ужасно нервничал, чем очень нервировал меня. Сколько мне ни прикладывали лед к лодыжке, сколько ни давали каких-то лечебных средств, ничего не помогало. Боль прошла, но ходить я не могла.

– Завтра мы должны быть в столице. Это очень срочно!

Я мрачно взглянула на часы, с деревянным циферблатом, где стрелка в виде петушка показывала три дня.

– И мы успеем, непременно.

– На машине доедем в два счета, – он не слушал меня, но я вовремя удивилась – на машине? – Ходить ты не можешь. Да и долго. Так что просто не рыпайся там.

Я, не удовлетворившись, заерзала на стуле.

– У вас есть машины? Какие?

Он сначала смотрел на меня, не мигая, – даже не знаю, о чем он думал, – а потом подошел к окну и раззановесил.

– Смотри.

По тротуару ходили люди в странных шляпах и пестрых одеяниях, которых я даже в училище никогда не видела. Ну, ладно, не в очень пестрых, и шляпы носили не все.

Машин не было.

– Они не по расписанию ходят, – заметил Олег и вышел из комнаты.

Он определенно стал каким-то нервным. И молчаливым.

Когда бармен отпоил нас алкоголем, я задремала – на самом деле, просто забылась от боли, которая срослась с существом, – меня отнесли куда-то, несли, я помню, как спотыкались... Были мы теперь в камерке, которой владел какой-то Олеговый знакомый. Знакомый так на нас смотрел... В общем, я была совсем не против унести отсюда ноги. Вот только сама я это сделать не могла.

К пяти дня парень принес колбасы и немного булки.

– Вставай. Пошли.

– Я не могу идти.

– Прекрати из себя неженку строить.

– Я не могу идти, – угрюмо повторила я и тяжело на него воззрилась. – Сам попробуй с такой ногой.

– А я ходил, – сказал он, но я взгляд не отвела.

Он вздохнул и сел на стул, перевернув его прежде спинкой.

– Кто из нас хвастался творчеством?

– Ну, я.

– Какая ты сегодня скромная.

– Если не знаешь, как это работает, то не указывай мне, что делать.

– Ты указывала мне, кому умереть первым, – лязгнула в его глазах сталь.

Я отвернула голову.

– Я не могу делать это просто так. Мне нужна ручка, бумага. И это не все. Не все написанное исполняется сразу. И писать надо тщательно: зная все детали и тонкости. Иначе грозишься навредить. Я вот в хирургии не разбираюсь.

Он откинул корпус назад, довольно неприятно смерив меня взглядом, да еще и руки скрестив.

– Интересненько, в каких видах ты мою смерть представляла. Для этого знание медицины не требуется?

Я чуть было не буркнула лишнее...

Он встал и поставил стул на место.

– Жри, а потом идем. Захочешь – встанешь. Я тебя нести не собираюсь.

«Можешь здесь меня бросить», – я вздохнула, вонзая зубы в бутерброд, благодаря богу, что никогда не умела вести себя как женщина, и эта фраза из моих уст не вырвалась.

Вставать было очень тяжело. Я замотала лодыжку кучей тряпок, надеясь, что это хоть как-то будет походить на гипс, но затея была пуста. Тогда я бросила это дело и просто стала хромать. У нас будет машина? Так вот пусть она меня тащит.

На улице было шумно илюдно. С ног сбивали прохожие, все орали, ни с кем не здоровались и налетали на свеженькие лотки с едой. Овощами торговали я бы не сказала, что здешние. В общем, все как в Москве.

Персонаж ходил быстро, ничуть меня не жалея. Ну и пошел он к черту. Торопится куда-то, а сам мне не говорит ку-

да. Думала, вот встречу персонажа, спрошу у него, как дела – что б вот с этим я разговаривала?

Я для ознакомления пыталась вглядываться в лица других.

Я привыкла, что представляю людей примерно на одну комплекцию. Стандартные черты лица, универсальные для моего воображения, в которых я только меняла цвет волос, глаз и форму ушей. Иногда добавляла веснушек. Но плохо было, когда по прошествии времени ни одна запись не давала мне вспомнить в задуманных, прежних чертах, каков персонаж на самом деле – все одно лицо.

Так вот такого здесь не было. Если бы это был сон, я бы была в экстазе. Всегда любила наблюдать за чертами людей, когда они на тебя не обращают внимания. А здесь вроде мой мир, и можно. Они, правда, все равно недобро смотрели. У всех лица были разные, будто прям торжествовала селекция, а не мое больное однобокое воображение. Тут были девушки с темной кожей и светлыми волосами, как нитки... Мужчины, напоминающие гастарбайтеров, только в более родной стихии, дети слонялись как оголтелые и воровали все, что плохо лежит. Они попытались стащить у меня кошелек, но у меня-то не было, поэтому только больно ущипнули за попу...

На площади, небольшой, просто дома сгорели, убрали – и вот вам, площадь – были лотки со сладостями, с петушками, с какими-то погремушками, и возле одной из них завис

Олег. Затем он подвел меня, игнорируя шиканья на предмет скорости.

– Мне все еще больно!

– Пройдет, – отмахнулся он и ткнул в леденцы. – Вот эти, видишь? Нужны такие же, только вкуснее.

Я посмотрела на него как на идиота.

– И где я тебе их возьму?

– Придумай, – понизил он голос и уцепил меня за руку. Я боязливо глянула назад. Нас кто-нибудь услышал?

– Я не знаю технологии.

– На что ты творец? Фантазируй. Наверняка, есть в твоём мире вещи, которые у нас не продаются.

– Но я не знаю, какие у вас не продаются. Тебе надо было меня предупредить.

– И мы перебирали бы товарные каталоги? Вот тебе задание, сейчас: нужны вкусности. Думай. Это надо сделать срочно.

– Я не могу так... – промямлила я.

В голове свербила недовольная мысль: какого он вообще мне указывает? Я не прислуга... С другой стороны, он-то указывает по-доброму. А что, если другие услышат?

Мне вдруг разонравилась роль золотой рыбки. Наверняка, она Пушкину не в одном сне козни устраивала.

Я сосредоточилась на ассортименте, поджала губы, и обернулась:

– Шоколад.

– Просто.

У них и это знают. Хм...

– Карамель?

– Есть.

Я снова поджала губы.

Меня осенило.

– Чипсы?

– Что?

– Значит, чипсы.

Уж для этой гадости подойдут любые ингредиенты и нулевая подготовка.

Животы противной хренью наполняли все, даже оголенные ребятки. Они попытались стащить пачку, где был нарисован зеленый олень – с солеными огурцами. Другим упаковкам свезло меньше – почему-то вместо фирменного знака «Лэйс» кругляшом послужило лицо президента.

Когда мы срубили денегат, Олег отошел на стоянку и выменял там какую-то потрепанную модель. Моим глазам представилась, говоря просто, дощечка на двух колесиках, еще с истерзанной лакировкой. Я многозначительно уставилась на персонажа.

– Терпения, – сказал он, немного повывисив тон.

Мы отошли (проковыляла – я) к концу нашей улицы. И затем Олег нажал на кнопку.

Их ты, какой трансформер!

Машина теперь была почти машина – низенькая, чернень-

кая, почти как спортивная, только широкая, как телега. И там было два места: спереди и пошире сзади. Я искала руль.

– А как управлять?

– Тебе это не потребуется. Садись.

Я снова решила пропустить мимо ушей его грубость.

В кабине было кожаное, пахло лошадьё и ладаном. Лошадь, наверное, как метафора. И ладан тоже, от быстрой езды...

Олег потянул рычажки, и мы медленно начали движение.

А потом взмыли вверх как ракеты. Я с ужасом вцепилась в подлокотники.

– Хе-хе, никогда не летала? – насмехнулся надо мной перс, а я с любопытством, пересилившим страх, глянула через бок.

Как же красиво!

Серым пятном остался сзади город. Вокруг него, оказывается, были непроходимые рощи, где-то вдалеке я различила изгиб речки и еще один сизый поток, сливающийся с горизонтом. Солнце слепило мне глаза, но это было до того родимо, – как выходы на речку в детстве, когда камни, букашки и бабочки были огромной, кипящей интересной жизнью – что я наплевала, что слепну, и приподнялась во весь рост.

И меня стукнуло в макушку.

Олег на это никак не отреагировал.

– Тут что, купол? – я не видела, когда его закрыли.

– Если бы не было, ты бы давно улетела кормить птиц.

Одна утка тут же врезалась в стекло и теперь строила нам страшные рожи, а перышки ее трепались на ветру.

Я поерзала на сидении и попыталась найти ремень безопасности. Не нашла. Был какой-то огрызок: вероятно, Олег выменял тачку не первой свежести. А еще меня очень бесило, я это сейчас поняла, называть его таким благородным русским именем. Я дала себе обещание поиздеваться над его самолюбием.

Нас тряхнуло, и с этого момента мы снизили скорость. Я выглянула. Мамочки...

Это была трасса. Воздушная трасса, вся какая-то в разноцветной россыпи линий – по которым ехали, и которые огораживали, и здесь были пунктирные линии...

Лежа вдруг вильнул рулем – Лежа, о! ему подходит – и поехали быстрее, пристроившись во второй ряд. В третьем мимо нас свистнула красная машина.

– Этого не видно с земли, – сказала я, а от скорости – и высоты, которую я сейчас сообразила, – мне стало немного не по себе.

– Чтобы не засорять небо, – откликнулся перс. – Купол двусторонний: отсюда не видно низ, с низа не видно трассу. Мы смотрим на то, что могло бы быть без этого воздушного движения.

Я попыталась глянуть через борт, но к сожалению, мой лоб уперся в оболочку. Я передумала.

– Леж, а Расскажи о себе.

Некоторое время я слушала, как под ухом свистят соседние покрывки. Олег все рулил. Забыл, что ли?

– Л-ль...

– Леж? – он даже развернулся.

– Так прикольное.

Он сверлил взглядом, отчего у меня задудонило сердце – сейчас врежемся.

– Ничего я тебе говорить не буду, – он отвернулся и выровнял руль.

– Почему?

– Ты же сама обо мне все знаешь, – огрызнулся он.

– Простой раз был неудачным. Что, это так сложно? – нахмурилась я.

– Сложно, – я услышала, как он вздохнул, и руль дернуло влево. Через прозрачную защиту я увидела, как нам показали... знак.

– Козел, – проводила я глазами придурков.

– Что с тобой говорить, ты уже у нас мыслишь как «творец». – Я промолчала. – Только бы разбирать всех людей на косточки.

– Ты был первым, кого я спросила.

– А что изменится? Думаешь, так приятно, когда всё о тебе знают? У тебя, между прочим, прерогативы нет, ты не колдунья.

– А что? – немного заступорилась я.

– Им за это платят деньги, чтобы они все знали, – устало вздохнул он.

Мне вот сейчас показалось, что меня очень обидели.

Где-то пронесся раскатистый гром, и я глянула вверх – на небе ни тучки. Только перистые с волнистыми.

– Блин. Привело, – помрачнел перс по голосу и перестроился в третий ряд – мы рванули быстрее.

У меня немножко закружилась голова.

А потом я разинула рот. И обалдела.

На небе – драконы.

Гигантские ящеры, мои вселенные. Я их вижу вживую!

– Ахренеть, – я стукнулась затылком о верх сидения, потому что все это время съезжала – сейчас я смотрела, как змей пролетает книзу пузом, и различала все его внешние органы.

– Ничего хорошего, – отозвался Олег. Голос у него был по-прежнему хмурым.

Я крутанулась, провожая шипастый хвост.

– А на них можно покататься?

– В желудке, – сгреб мое воодушевление перс. А потом нас тряхнуло.

– Твою ж мать, – парень резко вывернул руль, и я скатилась вниз. А потом грохнуло, в наш бок.

– Что?! – крикнула я, чувствуя, как нас превращает в легкую юлу.

– Мы слетели с трассы! Авария, черт ее возьми!

– И что?

– Что-что? Драконы!

Я поглядела в заднее стекло – и у меня отрезало дыхание.

Махина – на нас!

Дракон несся, горя воодушевлением. Желтый, с прорезями черных глаз, с гигантскими крыльями, с когтями. А красный, прицелившись лапами, рухнул в «гнездо» сбитых в кучу машин.

– Что это! – я забила в грудь. – Зачем?!

– Он нас сожрать хочет, дура!

И мы следующие, за врезавшимися друг в друга экстремалами.

Я отвернулась и схватилась за сиденье Олега.

Махина-махина-махина!..

Олег рулил, как сумасшедший. Вилял, пытаясь сбить всех с пути и, кажется, пытался вновь выехать на трассу. Но мы почему-то спускались все ниже цветастых линий.

– Почему мы падаем?!

Олег ругнулся, но, похоже, мы не падали. Он переключил что-то в рычаге, и мы рывком взвились вверх.

И в нас врезались когти.

– Матерь божья...

Грязный коготь порвал оболочку надо мной, – в крапинку, в серые полосы, такие на фигурки высекают – и вой ящерицы лязгнул о воздух.

Он взмахивал крыльями.

Олег что-то сделал с управлением и повернулся.

– Пиши.

– Где?

Он протягивал мне ручку. Как?..

– Здесь пиши, – задрал рукав по локоть.

Я вдруг почувствовала невесомость.

– Быстрее пиши!

– Да что?! – но слова уже нашлись, и под мат персонажа...

В нас врезались, оголив прозрачную крышу, а затем кинули, как мяч.

Я ойкнула.

А затем заорала.

Драконы как дети. Если дать им игрушку, они набросятся на нее всей гурьбой. Игрушки-машины недоступны на трассе – там они какие-то правильные, ненастоящие. Но когда летающие штуки выбивает из колеи – аварии, опрометчивый сход, хвостовство, – тогда поиграть уже можно. В машинах оказывается кто-то – они кричат, они орут и воют, чувствуя смерть. Драконы набрасываются как на мясо – потому что это и есть мясо. Оно кричит и убегает, и нет ничего приятнее, чем играть с ним, а потом съесть.

Я летела вниз. Твою мать, земля скоро! Ах...

Меня подхватило за пятку.

Затем тряхонуло, и я снова орала вниз головой.

Вой заглушил уши.

Я врезалась в чье-то тело. И Олег перехватил меня, отчего я уткнулась ему в горелую грудь.

Пахла горелым.

За спиной его крикнул дракон.

У него выросли крылья – взмах!.. Черная смоль путала солнце. Олег махал, словно знал, как это делать, и умело лавировал в потоках...

Я вспомнила, что написала на его локте – «Умеет летать».

Никогда не знаешь, как обернется написанное. Бывает, подробно – а выходит хрень. А иногда и слова достаточно.

Олег увернулся от пасти. Зубы он стискивал, а в скулах я видела напряжение. Я вдруг чуть не заорала – у меня снова заныла нога.

– Больно...

– Терпи!

Нас отбросило взмахом, а в следующую секунду я видела стаю – трое, точно, летели нам вслед. Желтый, красный... блин. Какой третий? Почему не стреляют огнем?

Не умеют?

Нас садануло по правому боку.

– А-а-а!

Я потеряла воздух, перевернулась кругом – а орал парень: ему оторвали крыло.

Там дыра.

Я завизжала.

Снизу открылась пасть.

Олег схватил меня за коленку – нога!.. – я не видела мир...

Макушки встретили болью. Я очнулась – вдохнула, – и из меня вышибло елью.

Я перекатилась, и снова на ель.

Ветки.

Где Лежа...

Перед падением на землю меня что-то окутало.

Боль резко прошла в руке и ребрах. Я глотнула ртом, но не получилось. Кашель выровнял воздух.

Олег лежал без сознания.

Я глянула вверх – драконы парили над кромкою, но не близко. Не прямо над ней. Почему? Да какая разница, к черту!

У Олега было сломано крыло, а другое торчало из-под спины – тоже сломалось, кажись. Я запустила руку под спину, чтобы поднять его, но с ужасом вляпалась в липкое.

Кровь. На руке.

Я уставилась на ладонь, перевела глаза на «спящего» Олега.

Он же не...

Эта кровь – она от лопаток. Крылья.

Глава 2

У меня закололо лицо, руки... чертовы ели. Это ж не ели, это пихта какая-нибудь. Ар-р-р, да кому это надо?!

Парень был живой. Это я точно знала. Но блин, как же он не сказал мне, что это была такая мука!

Я задрала ему рукав, посмотрела на черную надпись – краска расплылась, но буквы еще было видно, дерганые: «Умеет летать». Зачем я подумала об ангеле? Смерти...

Я провела ладонью, ничего не изменилось. Хлипкое.

Черт, я же ничего не смыслю в медицине! А если написать просто – «Вылечить»? Но от каких болезней его излечит, это же так не работает!..

Я села задом на колючую подстилку, и в меня врезалась куча голодных игл.

Лицо испачкала в красном, когда проводила по глазам и волосам рукой. Боже, что я могу сделать...

Мама посмотрела, как я делаю уроки. Села рядом.

Я старательно изображала, что вникаю в текст, который был написан в учебнике. Историю я не сказать, чтоб любила, но даты не хотели вбиваться в мою голову. А завтра контрольная.

– Мариш, а ты сыграть не хочешь?

Я перевела взгляд на черное пианино.

– Не очень.

– Ты уже год как закончила, что ж не садишься?

– Мам, не тянет, – я пожалала плечами.

А маму это расстроило. Как и отец, они души не чаяли в музыке, но оставили это занятие глубоко в детских годах. Правда, папа еще пытался что-то «химичить» в группе.

– Ну и зачем это все было? У тебя же получалось.

Она подошла к инструменту и откинула крышку. «Березка» посмотрела молочными клавишами и царапнутой облицовкой на месте подставки под ноты.

– Не тянет.

Мама подвинула стул, наладила его высоту. Опустила руки на клавиши.

«Осень».

Мама всегда играла ее, «Октябрь» из цикла был ее любимой мелодией. Она действительно была самая красивая, еще «Январь» или «Март», кажется... Чайковский знал толк в настроениях, и я когда-то по его примеру хотела написать все то же самое – месяцы года в моем воображении...

Я уткнулась в учебник, слушая переливы бегущих рук – как желтая листва играет в воздушном потоке. Одиноко и тихо.

Мама играла красиво.

– Вот бы ты хоть раз села, – сказала она, когда забыла следующие ноты – играла по памяти. – Тебе же так нравилось.

– Нравилось, – я пожалала плечами. – Но это не мое.

– Странно, – сказала мама.

Я промолчала.

– Песни бы сочиняла. Так красиво.

– Но у меня нет к этому таланта, – в который раз говорила я ей. – Я же пробовала – плохо выходит.

– Ну, – мама не отступала, – пробовала бы дальше. Нельзя забывать музыку.

– Я и не забываю. Я просто не играю. Не тянет, – я задумалась, вспоминая минуты, когда от любой песни пальцы сами играли по поверхности – недавно черед увлечений перешел и на инструментал.

– Я бы пробовала. А то очень жалко. Зачем же столько училась?

Я посмотрела на нее, но не ответила. В этот момент в моей голове сам собой складывался танец какой-то невесомой девушки, с древесной кожей, кажется, я ее обозвала «лесной дух»...

– А вот если бы... если не стихи к песням, а произведения. Проза. Что бы ты сказала?

– Какая проза?

– Ну, – я мотнула головой в сторону шкафа, за которой толпилась классика и книги, купленные в девяностых. – Как Пушкин. Лермонтов.

Мама на меня как-то непонятно посмотрела.

– Ты пишешь прозу?

– Нет, конечно.

Я машинально ответила.

Мама зачем-то кивнула.

– Стихи пишешь?

– Ну...

– Ты пишешь стихи?

Я не знала, куда спрятать глаза. Мама тут же села рядом.

– Ты никогда не говорила. Покажи стихи.

– Они... так.

– Ну, покажи! Мне же интересно.

Я долго думала, поступаю ли правильно. Я еще никому не говорила, что пишу.

Потом все-таки я потянулась за тетрадкой с набросками, и вытащила самые понятные.

Олег дернулся, но так, что я испугалась.

– Не ори, – сказал он не своим голосом, и я подползла – коленки свело от колючек. Как и лодыжку от боли... Черт.

– Что делать?

– Не ори.

– Не ору.

– Иначе звери придут.

Он приподнимался на локте, а я оглянулась на небо: боже, придут? И сюда?

– Не эти, – парень морщился. На лбу был пот. – Отсюда.

У меня похолодело нутро, когда я судорожно окинула взглядом пространство. Куча темной зелени. И внутри, сре-

ди – звери...

– Пиши еще.

Олег протянул локоть. Я с испугом глянула на пьяные буквы. На парне лица не было.

– Я не буду. Посмотри...

– Пиши! – нажал он. – Мы должны уйти отсюда сейчас же.

Звери придут в любом случае. Раньше, или...

Он замолчал, морщась от боли. Я увидела, как напряглось его целое... крыло.

Кость хрустнула.

Олег вскрикнул и задышал. Я кинулась поддержать его: напоролась на перья. Черные, с пушинками. Жилы, идущие в кости, дрожали, продолжая движение тела.

– Тебе не нужны крылья, – я не могла смотреть на них, но глазела.

– Ты убереешь их? – с надеждой спросил он.

Я сглотнула.

– Я не знаю. Боюсь.

Парень напрягся.

– Хоть что-то ты знаешь?

Он попытался встать, но ноги не выдержали, и он рухнул; а меня накрыло крыло.

Потное.

Я выпуталась из-под перьев.

– Уберу. Не знаю, как.

Олег не отвечал, и я заметила спустя время, что он еле

держится.

Я втерла основание ладони в лоб: что же мне делать. Убрать просто крылья? «Убрать»? А если зачеркнуть, то что-нибудь получится?

Я поискала по карманам ручку – Господи, какие карманы, какая, мы же летели, выпала точно.

На Олега я старалась не смотреть.

Задрала снова рукав, – его рука мне показалась как у трупа – нашла буквы. Они не стирались. Я ослюнявила пальцы и потерла по записи.

Олег взвыл как раненый зверь.

Я в страхе застыла. Что я?.. Его крылья покачнулись, что-то запружинило. Стихло.

– Делай, – сквозь зубы позвал он. У меня на глаза навернулись слезы.

Я начала тереть кожу, как будто огонь добывала.

Олег, не выдержав, снова заорал.

Мне стало плохо.

Господи, ему же плохо! Как же он терпит... Я терла, а буквы не сходили – только очень медленно под покрасневшей кожей.

Послышался хруст.

Рука Олега расслабилась. А потом он завалился вперед телом, чуть не шмякнувшись в еловую подстилку. Я еле успела его подцепить.

Крылья остались стоять.

Я в отвращении смотрела на эти уродливые кости. Олег не дышал, или мне так казалось. И очень хотелось плакать, но в голове, вместо слез, вертелась одна мысль – «Ненавижу. Ненавижу»...

Я не выдержала тяжести его тела.

Всегда наступает такой момент, когда не хочется слушать. Прежние аудиозаписи надоедают, нового не находится. И ходишь, как рыба на берегу.

Однажды меня очень зацепило песней. Это не было откровением, но почему-то так зацепило, что не глядя, я отправилась на группу. Молодцы же ребята.

Второй раз они выступали в «Форум Холле» – помещении масштабнее и краше: везде были синие подсветки, еще немного фиолетового, горела со сцены надоедающая иллюминация, которая резала глаза всякий раз, как в песне случались биты.

Но я была в восторге. Не знать кучу песен – это так круто. Качаешься в волнах толпы, подчиняясь всеобщему азарту, прыгаешь выше и наступаешь другим на пятки. Тебе давят носки.

А вокруг только шум, праздник толпы, слэмщики грозят сломать челюсть...

Я, хлипнув носом, повела ухом на птиц, которые чирикали где-то в елях. Это, наверное, значило у них, что все спо-

койно.

Олег не подавал знаков, и я уложила его помягче, а сама уставилась перед собой, ничего не желая делать. В голове была какая-то каша и пусто. Вот так, отчего хотелось просто сидеть, застыв, или переключившись на другое дело. Чтобы смыло все. Но переключиться я не могла.

Мне почему-то подумалось разжечь огонь. Но идея была глупа, да я еще не желала двигаться. Наверху только мотало ели, а драконы куда-то ушли.

Я не сразу поняла, что кручу в голове один и тот же мотив. Все казалось таким далеким, будто за пару часов мне прибавило несколько лет.

Однажды в детстве я читала сказку...

Я посмотрела на персонажа, чья одежда была еще в крови, запекшейся безобразным кружевом. Вот если бы он показал... Наверное, я ждала, что он мне скажет, что делать. Что дальше придумывать, как поступить. Я чувствовала себя самым обидным ничтожеством, ничего не умела...

Страницы мне шептали сладко-сладко.

Я вдохнула, перевела взгляд на небо. Вот заткнитесь, птицы. Что же у вас все так хорошо?

Посмотрев в их сторону, я различила в глубине елей яркие

пуза.

Снегири, глупо чирикавая, зырили на меня в упор.
Что это? Они знакомые.

*Зайдешь ты в лес, и различишь во мгле,
Как стая снегирей чирикает тебе.*

У меня сдавило страхом горло. В этих бусинках, глупых глазах, я видела неведение будущей участи.

*И к горлу подкрался беззвучный страх:
Дракон решил гнездо свить в тех лесах.*

Я в ужасе глянула вперед. Они не на небе, нет. Это не драконы.

*Их жизнь была бы безмятежна – птичья.
Но сам дракон явился...*

Это волки. Черные кристаллы глаз смотрели на меня. Звери нюхали воздух.

Я чуть не закричала.

Волки почуяли – черт! – двое из них ускорились рысью.

Снегирь мелькнул безобразным черным.

Я вскочила – боль прошила ногу – блин!

Дикий издал рык.

– А-а-а!

Удар пришелся по пузу. Но зверь не пискнул – такой слабый был толчок. Я не заметила, снова ли Леж потерял сознание. Грохнулся.

Угрожающе оскалив зубы, волк зарычал.

Песня.

– *Дракон был молодой*, – я закрылась и...

В локоть вцепились мелкие зубы.

Больно!

Маленький волк досадливо жевал мои кости.

Вмиг подтянулись другие волчата, обдавая нас градом собачьих визгов.

Я скинула, как смогла, волчонка, и он грохнулся о землю, на других. Звери оскалили на меня зубы. И залаяли.

– Прочь!

Они продолжали лаять, а некоторые попытались укусить.

Черт, если эти звери-мелочь, то где-то их мама.

Да заткнитесь вы, мелкие твари! Не зовите мать!

Я махнула рукой: волк втемяшился в землю.

Остальные замолчали, но потом полезли...

Не сдерживая визга, я бросала псов в разные стороны. А потом взяла одного за шкуру и швырнула с силой в остальных мальцов.

Он мне чуть не вырвал мясо.

Волки пискляво залаяли. Они почему-то перестали бросаться. Я нагнулась, чтобы перенести руку Олега через плечо. Волк попытался вцепиться зубами мне в ногу, но я толкнула его – он отлетел.

Я не чувствую боль в ноге. Где?

Черт, мы так далеко не уйдем. Псы орали, но оставались на месте. Как будто им приказали сидеть...

Я услышала, как снегири вспорхнули.

Твою... боже! Сейчас точно что-то будет.

Я оглянулась, пытаюсь догадаться. Одновременно идти.

Один из волков завис, глотнул в себя рык, и почему-то его теперь подергивало, а глазами он упирался в землю.

Твою мать, началось.

Шерсть его стала длиннее.

Остальные все тоже как-то странно застыли, волнами.

Я попыталась ускорить шаг.

На нас же теперь понесутся настоящие волки!

В голове... в голове почему-то одни «розовые птицы»!..

Я пошарила рукой по бедру – черт – ручки же нет!

В ноге боль.

Ай!

Я присела, чуть не свалившись, в ноге накатывало волну чувства; парень давил мне на плечи. Я чиркнула пальцем по земле, открыла ладонь. Черт, хоть бы просто – «летела».

Как в «Ариэле» Беляева, быстро. Я оглянулась, волки...

И тут я не сдержала вопль.

Звери устали на меня. Глотая слезы, я чувствовала, как из моих лопаток лезет кость. Это дьяволова конечность. На лбу выступил пот моментально, как только я перевела дух. И новая боль.

Волки втянули воздух. Пошли.

Я встала на трясущиеся ноги. Не подходите, твари. А-ах... взмах крыла дался мне через волю. Я с ужасом заметила в сознании, что крыло упирается в землю – ему мало места...

– Лети.

Хриплый голос накатил на меня слезы. Я сглотнула и пригнула колени... боль в ногах... побежала.

За крыло цапнул волк.

Промахнулся. Каким-то чудом я взмыла. Боль в лопатках ломала мои силы.

– Терпи, – сказал снова Леж.

Я стиснула зубы. Меня покосило вниз, я чирканула крылами о еловые иглы. Два волка подпрыгнуло.

Когда снова вспомнилось о боли, я чуть не потеряла сознание на уровне макушек сосен.

Плечо мое сжимал Олег.

– Пиши, – он снова тянул к носу локоть. Не помня себя от боли, я в воздухе «расписалась» пальцем у него на руке.

Но это подействовало. Снова крылья.

Темная муть закрыла пространство, а это были всего лишь перья. Он перехватил меня, и теперь я смогла сложить кости, перестав планировать в потоке, который только причи-

нял мне боль. Олег взмахивал рьяно.

В какой-то краткий миг от моих лопаток отвалились. Белые крылья. Они почему-то были белыми.

Глава 3

Взглянув на солнце, Гвим забыл прищуриться, отчего долгое время пространство вокруг было все в пятнах.

Когда же темень рассеялась более-менее, он уже был на базаре и – как это у него всегда получалось? – с карманами, целыми монет, не краденными, но и не сворованными у него.

Он улыбнулся милой девушке в проходе.

«Когда солнце перестанет жарить, снег пойдет».

Это незамысловатая пословица, которую все уже производили – от мало до велика – с легкой потерей смысла, относилась не к погоде начинающейся весны, а к красоте племянницы-принцессы: многие стали сравнивать ее со снегом. С каждым днем все печальнее, только не улыбка. На принцессу хотелось смотреть долго-долго. Впрочем, сейчас эта пословица вполне могла подходить и к погоде дня.

Гвим разложил палатку, выставил товар и свистнул, чтобы обернувшиеся на звук беспризорные мальцы, сами доделали за него остальное. Грязные малявки набежали, их тут же стал отгонять охранник, а потом, через какую-то минуту, подошли и покупатели. Вот что значит эффективная реклама.

Гвим охотно показывал товар. В какой-то миг девушка,

которая улыбалась ему получасом ранее, снова возникла в поле зрения, опустила ресницы и скрылась. Гвим тоже чему-то улыбнулся, но, какие бы мысли ни были у девушки в головке, он за ней не пошел. Не потому, что товар не на кого было оставить. Просто не пошел.

Одна из покупательниц на зуб проверила пряник. Он ей показался черствым.

– И вы такое смеее продавать!

– Не хотите – не берите, – миролюбиво ответил Гвим и убрал обслюнявленный пряник за спину. Мальцам отдаст.

– Так вы разговариваете с покупателями?!

– Что же мне сделать, если вам товар не нравится?

Женщина захотела еще повозмущаться, но ее отогнали другие. В конце концов, Гвим был уже на этом рынке давно, и репутация на него работала.

К вечеру он набрал полные карманы денег, а остатки выпечки, общупанной недобросовестными покупателями, отдал беспризорникам.

– Спасибо, дядя Гвим! – говорили они, и парень с улыбкой шлепнул по рукам того, который все-таки попытался забраться ему в сумку.

Через час он был в таверне.

– Выручка?

– Как после ярмарки, – ответил Гвим волосато-усатому светлому русу, который, хрюкнув, облил усы пеной.

– Не нравится мне ситуация с регентом, – покачал голо-

вой рыжий, второй день ходивший сосредоточеннее тучи. – С этим надо что-то делать.

– Уж не переверот ли ты задумал? – тихо спросил Гвим и мельком глянул, по начинающейся привычке.

– Да уж что там, – так же тихо сказал рыжий Феб. – Пусть творит, что хочет. Но вот вестники. Неспроста они клювы сюда суют.

– Вестники охотятся не за нами, ну и оставим это дело, – произнес Гвим, думая.

Феб покачал головой и поцокал.

– Не наше дело, а глаза они раздражают. Да и когда ты помнишь, столько вестников было? Это же от Вольха, всегда все от власти идет.

– Их пускает – Вольх?

– Их развелось из-за Вольха, – скрестил на груди руки Феб.

Светловолосый Женк рядом хрюкнул. Снова, и поставил законченную кружку на столик. Зачем-то стал завязывать сзади волосы.

– И что это значит? – поднял брови Феб.

– Я поперхнулся, – сдавленно сказал Женк и отпустил длинный хвост.

– Предлагаю, не соваться, – произнес Гвим.

– Считаешь, мы ничего не сможем сделать? – сказал Феб с вызовом.

– Нет, не в этом дело. Просто пока это нас не касается.

– А когда касаться будет? Принцесса? Дети? Кого еще должно задеть?

– Пока еще никого не задело, – промямлил Гвим.

– Ну, вообще, – кашлянул Женк, и усы его прикольно дернулись на весу. – Я об одном слышал, правда, это давно было. Если так прикинуть, тогда тоже были вестники. Но это могло быть совпадением.

– Я не верю в совпадения, – сказал Гвим и задумался. – То есть это все могло показаться.

– Гвим, в столице появились вестники, хватит это отрицать! – разозлился Феб, правда, не очень громко.

Гвим опустил нос в кружку. Ядреное пиво плавало там, изображая отражение неба.

– Просто почему это должны быть мы? – поднял он на Феба глаза. – Я не хочу.

Рыжий заупрямился, сжав на груди руки, но потом их ослабил.

Поздним вечером Гвим ходил под крышами домов главной улицы и поглядывал на луну. Муть от верхнего транспорта сделала ее бока размытыми, и желтая гладь троилась, но что было прежним – ребра впадин. Гвим вздыхал, и не знал, что думать – хочет ли он вмешаться или не хочет? Надо ли это ему?

Вестник черным воробушком покосился на него с верха стока и вспорхнул, улетел в темноту.

На балконе дворца Гвим заметил принцессу.

Белое платье, которое в плотном сумраке превратилось в серо-синюю ткань. Она облокотилась на перила, смотрела на площадь. Гвим смотрел на нее и пытался угадать ее мысли. Она все время улыбается, так что кроется у нее в голове?

И пришли ли за ней вестники? Но воробей улетел в другую сторону, а было бы иначе, все в стране знали бы о грозящей ей опасности.

Гвим прислонился спиной к дому. Под ногами была жижа из мокрого снега и отколупившегося асфальта.

Кто, если не он?.. А почему это должен быть он?

– Дядя Гвим! – громко в ночной тишине заголосил знакомый мальчишка, подбегая, протягивающий что-то в ладошках.

– Что ты так поздно? – изумился Гвим.

– Смотри, что у меня есть! – мальчик с восхищением вытянул руки, преданно заглядывая в глаза.

Гвим прищурился. А потом лицо у него изменилось.

– Выбрось.

Глава 4

Олег сосредоточенно чистил железяку.

Изображение пока было мутным, поэтому я тупо смотрела, как он это делает, и никак не могла понять – то ли ору-

жие, то ли какой-то инструмент. В голове били молоточки где-то далеко на заднем-заднем плане.

– Есть хочешь? – персонаж даже не посмотрел в мою сторону, дохнул на свою работу.

– Почему я должна хотеть... есть... – хрипота в голосе сразу себя обнаружила, выдав только «пш-ч». Ну замечательно. В горле, оказывается, было очень сухо.

Олег глянул на меня.

– Воды?

Я закрыла глаза и скривилась, пытаюсь приподняться. Олег уже куда-то пошел в другие комнаты.

Где мы?

Зрение возвращалось скачками, и я вдруг поняла, что у меня нога потяжелела. Движение получилось сделать слабо: я была в гипсе. Ну, или в чем там можно быть, обмотанной каким-то плотным полотном.

Наконец у меня получилось сесть.

Я охнула и дернулась, когда Олег показался в проходе. Теперь с мучением прижималась к ногам, хотя никогда не ходила ни в какие балетные студии. Моя грудь была голой.

Повернув лицо вбок, я увидела, как парень скептически смотрит на меня, держа в руках стакан с лимоном.

– Ну и что я там не видел?

У меня в животе стало холодно, а потом я со злостью отвернула голову.

– Как тебе только в голову пришло?!

Олег фыркнул, подошел к комоду, чтобы поставить стакан, и начал стягивать рубашку.

Да что он?..

На месте лопаток сквозь бинты просачивалась кровь, а сам он был обмотан по самый желудок.

Попутно я успела заметить, как на его руках зияют царапины – именно зияют: похоже, некоторые волки сумели дотянуться до глубоких слоев тела.

Я опустила голову в колени. Господи, это уже было так далеко...

– А почему я обмотана так выборочно?

– Не ко мне вопрос, – Олег взял стакан и ткнул мне его в прямо макушку. Выпало несколько капель.

– Не ты меня обрабатывал? – глухо, из-за одеяла, уточнила я.

– А что бы это изменило? – немного грубо заметил он. – Пей.

Он снова ткнул мне в голову, и я одной рукой взяла стакан, не меняя положения. Мои локти тоже были не «как после душа».

Вода оказалась жутко холодной.

Я пила в странном положении, потому что Олег не желал покидать помещения. Он снова вернулся к железной детали – теперь я увидела, что это был охотничий пистолет.

– Где мы? – шею было трудно напрягать.

– Не в столице, – парень убедился в исправности оружия

и воткнул его в специальную подставку. – Но это довольно близко.

– Ты должен быть там к сегодняшнему вечеру...

– Должен, – персонаж помолчал. – Но если не придем, не думаю, что это много изменит.

– Где тогда мы? – Я попыталась оглядеться, игнорируя желание узнать, что у него на уме: что нам делать в столице? Это, наверное, как-то связано с кольцом.

– У друга, – парень кашлянул и тоже, по моему примеру, обвел пространство взглядом. – Только не будем задерживаться тут надолго. У него могут быть неприятности.

– Они же уже есть.

Олег чуть склонил голову – как же я угадала его мысли. Что-то уже случилось?

Я сунула руки под себя, вытаскивая наверх одеяло. Стакан остался валяться на простыни. Когда я с трудом от режущей секундными долями боли натянула ткань поверх плеч, Олег сидел на шатающемся стуле, и его лицо говорило о таких же неустойчивых мыслях: брови дергались и все время съезжали к переносице.

– Расскажи мне.

Он непроницаемо посмотрел на меня, но потом я сообразила, что эта эмоция – усталость. Нам что-то опять в очередной раз грозило.

Шлепнулись, когда солнце уже садилось. Сава висела на

руках каким-то бесформенным месивом, волосы мотались, у меня же все давно отваливалось. Сученыши-волки... Чертовы крылья остались на земле, но вместо них лопатки резало огнем. Но на руках было не больше живого места. Была не была, спина все равно потом будет ныть.

Ноги, по сравнению с другим телом, было относительно целы. Я почти не останавливался, тормозил только, когда лопатки прорезала невыносимая боль. Дурацкая фантазия, неужели нельзя было придумать ничего менее экстремального? Или мазь на крайняк. «Творец» сама в отрубе, ей хорошо, а вот у меня возникает сильное желание оставить ее на доедание зверюшкам. Думать надо лучше...

Хотя что я веду себя как лесничий? Сам же в первый раз в такой ситуации, указывал ей еще что-то.

До дома Ведова я добрался за час и очень порадовался, что он не сменил место жительства. Вечереющее небо загнало всех в укромные жилища, и на нас почти никто не обращал внимания. Таращились только самые нервные. Ну и поделом им.

– Где тебя так исцапали? – Вед округлил глаза, и я сбросил ему на руки окровавленную девку – лопаткам досталось больше, чем я думал. Вед еще больше удивился, но пока не отнес ее в комнату и не начал осматривать, вопросов не задавал.

– Ответишь?

– Отвечу, – хмуро сказал я, стягивая плащ. С-с-с-с... зара-

за. Никакого плаща. Никакой футболки. И спина вся в шрамах. Ну спасибо за подарочек. – Волки напали. Перед этим дракон.

– Ты разучился водить машину? – удивился парень, а я только «порадовался» такой постановке вопроса.

– Главное, верно подметил.

– Ну а что?

– Авария, что. Придурков на дороге хватает.

– Эка вам придурки спомогли, – рассеянно протянул Вед и снял с Савы кофту, в которой остались кровавые дыры. Он долго смотрел на Савин лифчик.

– Мне уйти? – вызывающе ответил я на его многоречивый взгляд.

– Надо бы, – он протянул руку, чтобы расстегнуть застёжку. – Выйди лучше.

– Ну и пялся сам, ты же по этому так скучаешь, – я закрыл дверь в комнату, и в это время спину кольнуло. С-с-с, собаки...

На удивление, Вед врачевать не разучился. Я думал, когда он перестанет быть девкой, весь пыл уйдет. Но мастерство было при нем.

«Творца» он обработал с особой тщательностью. Ни пятнышка. Все же, мне казалось, все то время, что он потратил на ее лечение, он лапал ее грудь. Вспоминая, от чего отказался.

– Не говори ей, что я такой, – попросил Вед, когда он при-

ступил к обработке моих ран. Я покосился, насколько позволяло боковое зрение.

– Чего боишься? Что она не разберется, кто ее трогал?

– Просто не говори. Неужели так трудно? – нахмурился он. Ну что ж, его дело.

Когда со мной было закончено, Вед заварил какого-то дрянного отвара.

– Кто она такая? – поглядывал он на меня из-за чашки. Я чуть не блеванул ему на пол.

– Знакомая, – сказал я, прикрывая рот.

– И что это значит?

– То и значит.

– Не говоришь, да, – Вед позырил на кружку. – Ну как хочешь. Только мне не нравится, какими вы ко мне пришли.

– Вылечил же.

– А я вопросов не задаю, когда люди при смерти, – он следил, как я пытаюсь втиснуть в себя зелье глотками и как меня при этом выворачивает. – И вообще. Не пьется – не пей. На тебя смотреть тошно.

– О, как мы заговорили... Сахара бы добавил.

– Нету.

– А еще женщина.

Вед на меня очень пристально посмотрел.

Ладно, это я сморозил зря. За окном уже включили фонари, и Вед пошел зажигать ночники. Никак не избавится от этой привычки. Интересно, «творец» еще будет думать, что

день – сегодня, когда проснется?

Моя рука моментально потянулась к кольцу. Что же делать-то с ним... Забыл спросить, какое число сейчас, у Веда.

– Вед, чо, на именины-то пойдешь?

– Что я там не видел?

– Скоро же.

Парень фыркнул и убрал со стола посуду.

– Чтоб в меня тыкали пальцем? Спасибо. Я вообще... думаю место сменить.

– Когда?

– Как можно быстрее.

– А что так?

– Что... работы нет.

– М-м.

– Даже твои, что здесь шарились, только хрень какую-то несли.

– Какие «мои»?

– Да урюковские. Сашок с Пилигримом.

– Что они здесь забыли, – помрачнел я. Меня забыли, собаки, не иначе.

Как пронюхали?

Когда Вед уснул, я вышел на улицу и пошел по барам. Их немного, и уж где-то народ-то завис. Нашел их возле магазина с безобразной розовой вывеской женских ног в чулках. Спрятался так, чтобы они меня не заметили.

Но было слишком шумно. Ко мне пытались пристать па-

ра человек, одна баба даже терлась передом, но я пихнул ее обратно в толпу.

– Что, высматриваешь? – усмехнулся у меня над ухом Санек. Я мысленно сплюнул.

Он позвал парней на улицу.

– Давай сразу к делу, – сказал Сашок после пятиминутного виляния и разговоров о здравии царской семьи. – Мы видали тебя, когда заварилась каша на площади. Итого, ты что-то припрятал.

– Ты, Саш, домысливать любитель, – осторожно сказал я. Сашок усмехнулся.

– Да не я один, – он подмигнул Саньку Пилигриму; с ними еще была пара пацанов, которых я впервые видел и не запомнил. – А потом, знаешь, так быстро не сматываются, если чисты.

Я в какой раз задумался, сколько времени отсутствовал.

– Да-а... со временем у меня напряженка.

– Хм, молодец, – похвалил Сашок, и ко мне подступил Пилигрим. Он быстро дернул рукой, и как-то в следующий миг мои карманы оказались вывернутыми. Высыпались монеты.

Их тут же подобрал кто-то из парней.

– Ну что, убедился? – осторожно, но с угрозой в голосе, спросил я.

Пилигрим скривился и пощупал мне шею, залез за ворот. Не нашел.

– Мы от тебя не отстанем, – заметил Сашок, который тоже был недоволен результатом. – У меня нюх на такие вещи, так что не убежишь. Если уж ты разок был на прицеле...

– А я бегать не собираюсь, – а сам старательно додумывал, как же сделать так, чтобы Сашок отвязался. Кольцо-то я спрятал, но его неудобно носить, кроме как на шее.

– Глаз за тобой, – улыбнулся парень, и приказал всем расходиться.

Я специально сделал крюк по пригороду.

Блин, если Сашок узнает, что у меня кольцо, он не отстанет. Такой поживу чует. И если он у меня его найдет, мне крышка.

Все это Олег мне рассказывал, покачиваясь на неустойчивом стуле. Взгляд его упорно буравил одеяло, хотя я была уверена, что он ничего не видит.

Я вздохнула. Почему-то такое положение дел мне было совсем не удивительно. Истинная драма, к проклятию тех, кто ее придумал.

Но мне казалось, что парень не все мне рассказал. К примеру, про того, у кого мы сейчас находимся.

И еще я заметила, как часто он в своих воспоминаниях употреблял слово «творец», да еще в таком ключе. Мне это не понравилось.

– Вот так ты ко мне относишься?

– Как к вещи? – да, – резко сказал он и уставился при-

стально.

Во мне забурлила злость, но я только слегка отвернулась. Учитывая, что про себя я тоже чаще всего называла его «персонажем», относилась я к нему не лучше.

Солнце как будто из моего мира – слепит адски. Мне приходилось щуриться всю дорогу, из-за чего я не очень могла рассмотреть окружение – земля ж интересней. Но все же я уловила, что в городе много зеркальных поверхностей – от которых солнце слепило с еще большим дьявольским ожесточением.

В столице меня боль все равно не отпустила. Только притупилась – но больше я никогда не буду летать. Фигушки. Только на самолетах. И то там, где драконов нет.

Олег был каким-то рассеянно-сосредоточенным. Он достаточно грубо показывал мне дорогу, а потом оставил, сказав, что есть дела. Я фыркнула, и мне стало не по себе. В последний раз я оставалась одна во Франции, и не зная языка, чувствовала себя ночью не очень уютно. Но то Франция, а тут... день, короче. Уж не сдохну при первом случае.

Малышня кинула в меня какой-то гадостью. Заржала. Я брезгливо сбросила этот непонятный камень на асфальт. У них тут есть асфальт – это вообще предел моих мечтаний. Нахмурилась на мелких, а они только тыкали пальцами и хохотали, а некоторые уже отвлеклись.

Олег даже не сказал, когда вернется.

– Пойдем еще чего-нибудь поищем!

– Да этот забери!

– Мне уже надоело.

Я пригляделась к камню, и тут у меня медленно прошел по спине неприятный озноб. Предмет напоминал мне челюсть, да еще сдвоенную, но точно человеческую, похожую по крайней...
ней...

У меня... подпрыгнуло сердце.

Дыхалка.

– А-А-А-А-А-А!

Во дворце вздрогнули. Ахнули. Стража посыпалась к окнам.

– Кто так орет? – командующий махнул рукой, чтобы стражники спустились и заткнули нарушителя.

Но Вольх поднял персты.

– Не надо. Не прерывайте, – в каком-то трансе улыбнулся он. – Это услада для моих ушей.

Стражники в недоумении слушали, как изголяется, по-видимому, девка.

– Когда она закончит, найдите, – медленно обернулся регент. – Приведите. Какая простая была задача... – снова улыбнулся он.

Мне заткнули рот.

– Что орешь?! Тебя найдут! – яростно шептал парень.

– Это Крис! Это Крис, – я прокусила руку, меня не держали ноги. – Челюсть! Он Крису убил!

– Кто? – спросил Лежа, отряхивая пальцы.

– Он... мать его... – я стиснула зубы, наворачивались слезы. – Подлец, Крису!..

Кто «он» – не знаю. Но он Крису убил, челюсть вырвал.

О Господи!..

Значит, не я одна.

Значит, вся цель.

«Творцы».

Часть 4

Глава 1

Дятлова дробь выстукивала по мозгам. Изъедая мысли... Если так долго и намеренно долбить камень, то и он не выдержит. А это всего лишь творцовы головы. Совсем птенцов. Творцы молчали, молились и отворачивались от этой дробы – зажмуривались...

Но кто в целом мире, реальном или выдуманном, способен отвернуться от голоса, что долбит твои мозги изнутри?

Пишипишипишипишипиши.

И студенты строчили. Вязли в сюжете, строчили.

Потому что над ними огромным камнем, неприступной крепостью, черной, как ворон в ночи, стоял Вестник.

Страшный черт.

Его глаза были как у орла. И, кажется, он сочувствовал.

– Две минуты на подготовку.

После этих двух минут – старт. Короткий забег на развитие мысли. На ее свободное течение... Потом, после часового перерыва, «свое время». Но только на словах. Ты его посвятить должен пьесе, диктуемой твоим сознанием тебе.

Студенты не сопротивлялись. Работали.

Такое это счастье – работать, пока есть время.

Вентерштиль, художник из немцев, заливал с надеждой в глотку суп – надеясь, что сушняк от текста этим снимется. Не пронесло.

Веринетта, из красивых художниц, нервно закидывала глаза в сторону – она умела так делать, чтобы белки из глазниц вываливались.

Кивин, русский, боялся поймать взгляд Вестника – с соловьиной головой, а от размеров ее становилось страшнее. Поймал.

– Где Расковский? – вырвалось у перепуганного.

Остальные промолчали. Аспиранта сегодня не было. Всё.

– Может, его кто-нибудь видел?

Никто не видел. Все слишком заняты были текстами. Другие – холстами. Третьи – мелодиями. Не время думать о тех, кто здесь есть, кого нет. Мир – он приглашает к себе ненадолго. Надо момент поймать. И держать.

– За работу.

В этот раз даже не кричали. Все покорно повставали с мест. Кивин тоскливо оглянулся на Линду, у которой, от недосыпа, посинело все лицо.

Там была печать мира. Ее. Он съедал ее.

И эта не успеет.

Орел прохаживался по залу. Крылья за спиной сложил – всем чудится, что там они, крылья. Черные-серые. Должно

же быть что-то хорошее.

Его взгляд внимателен. Он заглядывает в рукописи. Нет, не отвлекает. Это муза. С приставкой «анти». Или «со». Он подбодрит, одним своим видом – ты видишь ужасы, но за ними, за чернотой чужеродных мыслей – твой мир, такой прописанный, приятный. Перо протяни и пиши. Все на ладони.

Кому-то скрутило живот.

Непроницаемую тишину несколько раз нарушал этот голос.

Вестник – медленно, спешить же некуда – подошел к потерпевшему от непривычного ритма. Положил ему руку на плечо.

Рука вся в стружьях.

Такого же не было.

Кто чудит?

Мальчишка успокаивается. Все слышат, как налаживается дыхание. А вместе с ним – приходят образы. Зримые, свои. Впору испытать чистый восторг.

Вестник убирает руку и отходит от мальчишки, который, не подняв глаз, строчит теперь в бумагу. Кивину настойчиво лезут в голову собственные герои.

– Напиши-и... – молит девочка с ангельской внешностью.

Вечером, через несколько дней, в обморок упал картинщик. Вестники – черные – подняли его, встряхнули. Реакции не было.

Его увели.

Народ провожал глазами беднягу, и с тоской у каждого отзывалось сердце. Синяя Линда чихнула. Она болела первый день.

Вестник, главный, взял недописанное в руки, внимательно всмотрелся. Если приглядеться самому, то можно в лучах его блестящих увидеть, как хороша картина. Недоделанная. Не хватило времени. Он смотрел долго.

Затем отложил ее в сторону, бережно. Но ясно было, как только последний студент покинет класс, – бросит на пол. Разобьет. Работа не доделана.

А может, поручит кому-то дорисовывать?

Творение, незавершенное, но это ведь лучше, чем ничего. Его могут дописать другие. Пусть со своим видением мира. Но ведь от этого оно станет цельным.

Почему никто их не слышит?

Вестник обвел взглядом студентов. Тихих. Следящих. Испуганных. Только бы он...

– На прощание с коллегой времени нет. Вы ведь понимаете?

Вздых девичьих голосов. Среди них – Линдин. Она утыкается в платок, так как болезнь сводит ее с ума, начинают глаза чесаться.

А вестник берет ее на заметку.

Сколько еще? Сколько они протянут? Дотянет ли кто-то из них до конца? А что в конце?

Им же сказали – у вас времени месяц.

Был выстрел. А потом еще два.

Засыпая со своими персонажами в обнимку, – на потолке роились сцены. Опять... новые. Совсем свежие, – Кивин думал, что это не совсем честно. У них времени всего месяц. Но возможно ли создать за этот месяц шедевр? Творение всей твоей жизни? Но... если такая постановка вопроса.

Что будет после – все знали.

– У вас осталось три недели. Вы уже продвинулись больше, чем на одну треть. Молодцы. Работайте, творцы. Впереди еще много работы.

Линда смотрела на орла соловьиными глазами. Больными. Почему они должны умереть?

Он вернул ей взгляд.

Смерть творца, когда мечта его жизни исполнена, – не это ли самое достойное, что может он желать. Им повелели творить. Разрешили. Все, что они хотят. Создайте шедевр. У вас времени – месяц.

Чтобы вы гордились.

Работы выходили приличные. Наверное. Это все черновики. Но тех, кто задумывался о будущем, скрадывал страх – и все рушилось. Выстрел – и все. Ведь работа не писалась. Поэтому никто не думал о будущем.

– Три недели.

Линда готова была плакать. Птица смотрела на нее в упор.

Творец кивнула. И послушно приступила к строчкам. Получалось лучше, чем обычно.

Будто рука нарисованная, проступало очертание дерева – кожа светлая, пальцы тонкие и с кружочками вместо хрящиков. Пальцы пробовали прикрепленные нити.

Глава 2

Лежа дернул мне руку и начал уводить. Господи, зачем он это делает?.. Перед глазами стояла челюсть Криса, а изображение дорисовывало остальное: труп, с обезображенным, красно-мясным лицом...

Я слышала стражников.

Олег побежал, больно потянув мою руку.

– Да поняла я!..

Он не обернулся.

Черт, что понадобилось от меня стражникам?

– С кем она убежала?

– Ты запомнил ее лицо? – Запыхавшийся наткнулся на прохожего, и женщина вскрикнула. – Что орешь?!

– Приведите хоть кого-нибудь! – гаркнул мальчишка-лейтенант, но получилось пискляво. – Кто прячется – берем. Нам нужны доказательства!

Вот придурок.

Ищем, народ.

Улицы были похожи на петли – московские, безориентированные, в них можно было запутаться и никогда не выйти. Дома разные, нависающие и строгие, как архитектор делал. Я прокляла себя за писательскую привычку рассматривать то, что мне сейчас совсем некстати. Но это отвлекало от мыслей о трупe...

На одном из поворотов Лежа бросил меня на стену серо-кирпичного дома. Я засвистела сквозь зубы, стерпела.

Он выглянул, ничего не заметил, и вбил ладонь аккурат у моего уха. И гневно уставился.

– У тебя совсем нет мозгов?!

Я раздраженно сжала зубы.

– Поднимаешь ор на всю столицу! Поймают тебя – оставят то же самое, что там!

У меня слезы брызнули из глаз.

– Да, кретин, именно это и оставят! Он моим другом был!

Он, урод...

Перс зажал мне рот. Я прокусила ему ладонь, но он только поморщился.

Люди, из тех, что проходили мимо, смотрели на нас. Черт, сообщат же!..

Лежа снова запетлял по улицам.

Знает ли он эти улицы, как свои пять пальцев?

Я никогда не видела столько помоек. Столица изнутри – помойка. Причем, мне кажется, что в Москве еще тщательно работает санитарная служба...

Я запыхалась. Олег вильнул куда-то, а там баки. Он пихнул меня в этот мусор, а я удержалась на ногах.

Я опять опаздывала на пару. Собственно, я почти всегда опаздывала. До метро было рукой подать, и я почему-то думала, что эти «подать» для меня не займут больше пяти минут. Но если в эти пять минут я могла уложиться, то расписание поездов корректировать было не в моих силах.

Однажды очень долго не было поезда. Я поглядывала на часы, начиная нервничать. А на циферблате, отсчитывающем отсутствие транспорта, значилось уже больше пяти минут. Меня иногда посещали мысли, как же люди ленивы. Если бы действительно хотели успевать везде и всегда, давно бы уже придумали трансгрессионное устройство. А так – только нервы себе изводишь.

Что это не решило бы проблему? Это да, но возмущения были бы уже по другому поводу.

Рядом со мной тусовался какой-то бомж. Я не очень люблю употреблять это слово, потому что мне кажется, я всегда могу ошибиться. Бывали же случаи, когда успешные люди выбирали эту жизнь, не обязывающую платить налоги, покупать шикарные вещи, еды им тоже всегда хватало – кормят, лечат бесплатно. В Японии вообще спать можно в самом

метро – ночью. И единственное, чем ты расплачиваешься, – это жуткая антисанитария. Правда, тебя она тоже особо не мучает – только окружающих тебя людей.

Поэтому я, как ни отворачивалась, пыталась сдерживаться и не зажимать себе нос, мне это казалось очень неприличным.

Бомж, раз другого определения я придумать не могу, покачивался, будто пил всю ночь, в руке держал скомканной газету. По зеленому оформлению полос я узнала в ней «Metro». Сразу вспомнились странные заголовки, от которых краснеют уши. А потом представилось, что этот бомж оставляет где-то газету, а кто-то берет ее читать, бесплатную... Те, кто убирают их, хотя бы в перчатках.

Бомж стал разглядывать меня. Наверное, потому, что я все-таки зажала нос.

Поезд, будь он неладен, все-таки подъехал. Битком набитый. А народу на платформе было уже не продохнуть. И рядом был бомж.

Моим молениям небо не вняло, ибо один грех я уже закрывала – опаздывала.

Бомж забился внутрь тоже, но никакое маленькое кольцо, образовавшееся вокруг него, не могло унять его запах. В душном вагоне, с опаздывающими людьми, с тускло-желтым светом лампочек... Я стояла к нему спиной, знала, что нас отделяет метр, но не могла дышать, и потихоньку начинало мутить сознание. В моей голове билась одна мысль – когда

же все это закончится, когда же закончится... Кто выбирает такую жизнь? Идиоты. Не мыться столько дней. Боже, за что мне? Остальные вели себя, будто все нормально, но меня скручивало от вони – еще не хватало грохнутья прямо бомжу под ноги. Когда же закончится...

На следующей остановке было столько народу, что я не смогла выйти.

К черту все. К черту пара, я просто хочу выжить.

Я подъехала за двадцать минут до начала второй. Через десять на перемену вышли мои девушки.

– Что ты такая потрепанная? Опять опаздывала? – удивились и «догадались» они.

Я посмотрела на них немного туманным взглядом.

– Дайте отдышаться.

– Случилось что? – забеспокоилась одна.

– Нет, – я помотала головой. – Обычный день.

А в носу еще стоял запах заплесневелой жизни.

– Я не полезу туда!

Так яростно прошептала, что Олег, плюнув, завел не внутрь, а за баки. С той стороны был выход на какую-то грязную боковую, и, будем надеяться, стража не полезет пачкаться с того хода.

У меня заболели колени. Господи, надо же об этом не думать!

Мир, твою мать, творческий, что ты хочешь от меня?

Мое сердце стукнуло. Я попятилась на карачках – рядом вдруг возникли двое, с той стороны, где мы сидели, и замерли у стенки. Лежа тоже подозрительно покосился на них из сторбленной позы. Это не были стражники, но что здесь за были эти двое людей?

Я упорно не понимала, какого один пола. Волосы до плеч, светлые, чистые – лоснятся, – телосложение хрупкое, он меньше другого на целую голову, и я никак не могу определить, девочка это или мальчик. Я даже забыла, что мы здесь делаем.

За стенкой слышались звуки.

У меня вылезли глаза на лоб.

– Какая ты неженка, – Олег смотрел, как я прикрываю рот, желая спрятаться от этого мира. За стеной был бордель.

Господи, за что мне все это?

Двое тоже смотрели на нас.

А потом мы услышали стражников.

Я не успела сфокусироваться – ы-ых! Эти двое – мальчик или девочка, мальчик или мальчик – да за стеной же бордель... Высокий резко выставил руку в кирпич, прижался, а другая его рука по чему-то там водила у этого бесполого. Меня скривило, Лежа на всякий случай заткнул мне рот, а сам он внимательно слушал, что происходит за баками.

Стражник шел сюда.

– Эй, вы! – я услышала, как он остановился, молчал.

Двое терлись друг о друга, и было непонятно, что они де-

лают. Но очень противно.

За стеной снова послышался грохот и визги.

Я зажмурилась. Лежа сидел как истукан. Ну же, пусть все это пройдет.

Стражник, он, кажется, сплюнул.

– Ну, где вы? Нет, тут мимо!

Он умчался вместе с топотом других ног.

Лежа еще сидел неподвижно.

– Уф-ф, – сказали сверху, и я увидела, что те двое смотрят вперед, а теперь на нас. Это оказался мальчишка. С длинными волосами.

– Это ведь ты – кричала? – он нагнулся и с любопытством стал разглядывать меня. Как кролика в испытательной лаборатории.

– Вы зачем были стражникам нужны? – спросил второй, высокий, худой – и черноволосый в противоположность первому, а тот, светлый, на него обернулся.

А потом ухмыльнулся, потому что мы оба не отвечали.

Я обернулась за поддержкой к Олегу. Он хмуро мерил парочку глазами.

– Вы Шнуцель и Марта? – вдруг спросил он, те переглянулись. – Я вас искал.

Что, черт возьми, происходит? Эти двое стали теперь выглядеть, как будто владеют тайной Вселенной.

За стеной сделали толчок, и я отпрянула, не удержавшись на ногах. Внимание двоих было на нас поровну. Но мне все

равно не нравилось, что на меня смотрят как на пустое место. Если я только снова что-нибудь не выкину.

Глава 3

От баков мы ушли куда-то в переулки. Те, что были теперь с нами, поделились одеждой: на меня накинули куртку низкого, и главное – капюшон. А Лежа теперь шел в футболке высокого, края которой пихнул в штаны, потому что она была велика. От куртки белобрысого слегка несло потом, но мое разгорячившееся от беготни воображение подбросило почти забытое воспоминание – и сенсорная память вызывала в горле тошниловку. Я прикрывала нос рукой, но из-за этого был близко рукав – в общем, мне было нехорошо.

Двое пока молчали. Они почему-то сразу подсуетились, не желая обсуждать «дело» с Олегом на том месте. Хоть в чем-то я была им благодарна – бордель остался там. Но теперь мы шли рядом, по сути за ними, не зная куда, и выглядело это так, что мне не нравилось. Кто они такие? Сколько я ни смотрела на Лежа, он мотал чуть головой, говоря «не сейчас». И почему я должна им довериться?

Возле какого-то кабака, позади, где было много разбитых бутылок, а по улице шныряло много людей, как пьяных, так еще и нет, Шнуцель и Марта остановились, потребовали, чтобы мы вернули им вещи. Скажите мне, пожалуйста, что Марта – это имя низкого, иначе это очень несмешная чья-

то шутка.

Олег стянул с себя рубашку и получил обратно плащ, который высокий носил это время перевязкой, как пояс.

– Слушаем, – сказал высокий.

– По вашей специальности, – начал Лежа. – Мне нужно кое-куда попасть. Не пробраться – попасть.

– Это зависит от того, куда тебе нужно, – заметил высокий. У него голос немного хрипел, но все же был достаточно сильным баритоном. Низкий изучал лицо Олега.

Олег помялся. Он зачем-то посмотрел на меня.

– Во дворец.

Парни ахнули и тут же заржали.

– Эка ломанул, – сказал высокий.

– Что такое проносишь? – ухмыльнулся белобрысый. – Или ты из этих, переворотчиков?

– Не из них.

– Брат, мы так не работаем, – улыбался низкий. Теперь я перестала относить это к налетавшему ветру – у белого голос сипел, что выглядело гораздо хуже, чем у его напарника. – Или ты рассказываешь нам, или мы расходимся.

– Что вы хотите знать? – уточнил Олег, и я почувствовала, как он напрягся.

– Зачем во дворец? – сказал высокий.

– И почему кричали? И имеет ли это связь, – белобрысый посмотрел на меня, и мне снова стало противно. Как на рентгене.

А еще он очень напоминал девочку, и это бесило.

Олег, казалось, на секунду завис. Затем посмотрел на меня. И вытащил из-за ворота кольцо.

– Надо доставить, – показал он цепочку.

Губы белобрысого сложились в трубочку, и он протянул руку посмотреть кольцо.

– Нехило. И очень знакомо, – сказал высокий.

Белый сощурился на Олега.

– Зачем, чувак? Выгоднее самому продать. Мы даже вмешиваться не будем.

– Оно не мое, и мне не нужно.

– Знается мне, чье оно, – высокий переглянулся с белым, который кольцо не узнавал. – На твоём месте я бы радовался, удача улыбнулась.

– Мне надо от него избавиться.

– Брось, – сказал высокий. – Продай.

– Не могу так, – замылся Олег.

Я впервые задумалась над всем идиотизмом ситуации. И кто ее только придумал. Таскаться с кольцом, когда вот предлагают быстрый и удобный вариант – бросить или продать кому-нибудь. Но если бы мы сделали так – не было бы сюжета? Чтобы построить историю, нужна четкая логика и композиция, которая почти не оставляет выбора. Но выжимать завязку из пальца, чтобы только раскрутить сюжет и наворотить приключений... Хоть бы эту историю придумала не я. Я вряд ли способна на такое прямолинейное игнорирование

простых вариантов.

И мне сейчас подумалось, что Олег не сказал, что я умею – и почему я кричала. Я посмотрела на Олега, а потом на кольцо, про которое я когда-то упомянула, что из-за него кто-то умрет... Все поэтому? Мне надо держать мое воображение за зубами.

И тут же, сама не понимаю как, перед мысленным взором возникли коридоры. Несколько проходов в нежных сиреневых и кремовых тонах, немного с золотом из-за солнца, и еще там приятно пахло чьими-то духами. Я вздохнула. Так мы там будем? Чертово сюжетное построение.

Шнуцель и Марта успели обсудить что-то между собой.

– Только вернуть? – уточнил белобрысый.

– Вернуть, – по тому как выдохнул Лежа, мне показалось, что он специально зацепился за фразу собеседника.

Парни чему-то прищурились.

– Ну, это не так трудно, – сказал высокий. – Цена вопроса тогда, как подумаем, как повернуть.

– Но мы за вариант полегче, – предупредил белобрысый, и Олег кивнул.

А затем белый посмотрел на меня, потому что я какое-то время, сама не заметив, в упор на него глядела.

– Что-то не устраивает, девушка? – с легким удивлением спросил он.

Я моргнула.

– Нет, – я вытянула губы и отвернулась. Черт, все слиш-

ком очевидно.

– Да правда ли?

– Ну, не устраивает, – с вызовом сказала я. – Что ты не выглядишь как парень.

У того брови полезли на лоб, а ноздри следом раздулись. Высокий справа сдавленно прыснул.

– А, ну ясно, – белый вдруг резко успокоился. – Может, тебе ... показать, чтобы ты убедилась?

Я резко покраснела, а высокий заржал. Я оглянулась на Олега, но тот лишь стоял хмурый. Белый буравил меня пару секунд, наслаждаясь реакцией, а потом усмехнулся, и мотнул головой, чтобы мы вновь следовали за ними.

Мне было не по себе. И зачем у меня это вырвалось? Я с чего-то вдруг решила, что если это персонажи, то от любого моего мнения мне ничего не будет.

Когда-то, на «заре» моего творческого пути, я жутко боялась показывать кому-то свои тексты. И дико злилась, когда родители находили мои записи и говорили, что читали. Меня даже не могло убедить, если им что-то нравилось. Мне это вообще казалось странным, у нас были разные вкусы. И я охотнее верила, если бы они ругали мое творчество, чем говорили что-то хорошее. Правда, для самолюбия это заканчивалось тоже не очень хорошо.

Был один сайт, который ко времени моего прихода туда был уже достаточно популярен. Вначале я боялась, поэтому

охотно читала «коллег по перу», смотря, а что же авторы пишут – не такие, как я, эти же давно на этом сайте, гуру!.. И очень любили у нас хвалебные отзывы. Если они касались персонажей, то особенно.

Была история про оборотней. Или вампиров. Что-то мистически-городское, про что воспоминания у меня остались достаточно вялые. Поглавно, как и полагает формат сайта, так как все зависело от объема, выкладывалось произведение. Глав пять.

После первой было пусто.

После второй – комментарии стремились к толпам. И все о персонажах.

«Ой, как мне он понравился! Такой смелый, весь такой холодный, но чувствую, что между ними все неспроста!»

«Эта ГГ – вот я не люблю девушек, а такая – нормальная такая! Почти как я – ну, как себе представляю...»

«А какое его любимое блюдо? А глаза зеленые ты почему ему выбрала?»

«О, эта сцена с ним голым... Ми-ми-ми-ми! Я жду, как дальше будет!»

Я немного не понимала восторгов. Может, так и надо? Когда произведение выкладывают, значит, его надо хвалить? И хотя лично мне работа казалась трижды вторичной и проработанной достаточно скудно, – ну, совсем никакой отделки и особой глубины – в конце четвертой главы я написала, что мне очень нравится, что будет интересно смотреть, а что

дальше. Ну, и я получила благодарность от автора.

Но потом я выложила первое свое.

Ох, как я думала, что набегит людей читать! Волновалась, заскакивала каждую ненужную минуту. А вдруг, вот я прокомментирую, и она ко мне придет, и ей понравится!

Я даже думала участвовать в конкурсах сайта, чтобы развивать мастерство. Здесь же все этим занимаются.

На второй день мне написали комментарий. В воду опустили. Мне перехотелось писать.

Моя героиня не понравилась. Хуже, ее посчитали хамкой, и перечитывая процитированные абзацы, я начинала понимать, что так и есть. Что глава слишком длинная, что язык содержит мат (хотя по закону РФ им там и не пахло), что картонка и есть, но главное – что из-за этого невозможно читать дальше. Из-за этого бросили.

Я сдержанно поблагодарила, сказала, что исправлюсь.

Писать прекратила.

Мама несколько дней утешала меня.

– Это всего лишь один комментарий. Ну что ты? – она садилась рядом и смотрела, как я пялюсь в комп.

– Но она права, – я указывала на отзыв, показывала места, объясняла, почему та девушка права, и собственно, убеждала саму себя в своей бездарности.

На других сайтах восторгались фиками. И все всегда сводилось к выяснению, какой персонаж симпатичный, и с кем бы его свести, и за кого читающий хочет замуж (женились

редко).

Я глядела на это со средней завистью. У людей была аудитория. И пусть – на мой взгляд – они тратили время впустую, их хвалили, их замечали, а значит, они чего-то да стоили.

А потом мне пришел комментарий от человека, кто прочел главу всю.

«Мне понравилось». И улыбка-скобочка.

Но разве ему можно было поверить?

К тому моменту я уже решила, что за перо не возьмусь. Слишком уж все хрупко. Я облажалась? Да. И повторять этот опыт я не хотела.

Но меня не покидала мысль, что главными в произведении считают персонажей. И создают их идеальными, на которых можно смотреть бесконечно, которых можно было бы любить, и они отвечали бы тем же.

Что со мной не так? Персонажи же должны жить собственной жизнью.

А в произведениях на молодых сайтах я видела только сублимацию.

Минут пять, как только я поняла, что это конечный пункт остановки, и в более благоприятное место нас уводить не собираются, я ходила, обнимая себя за плечи. На меня косились редкие девушки, вероятно, другие еще спали: они были безобразными и в то же время в чем-то лучше меня. Лица пока еще накрашены негусто. И мне казалось, что они

так же сравнивают меня, оценивают мою одежду, фигуру и все, что может оценить девушка у другой девушки. Но я почему-то чувствовала себя самой ничтожной тварью. Удивительно, учитывая, что при их профессии я должна была чувствовать себя наоборот.

– Они издеваются? – твердым голосом прошептала я, когда Олег все-таки попал в поле зрения.

Парень провел по девушкам глазами и сразу вернул.

– Что тебе? Так на нас не выйдут стражники.

– Но они издеваются! – упрямо прошептала я, и Олег покосился, немного морщась.

– А на тебя должны ориентироваться? Лучшего места нам сейчас не найти.

Я смотрела на него, долго-долго. Он даже захотел уже уйти.

– Пусть это будет того стоить, – сказала я, пока он совсем не отвернулся. Олег что-то затормозил, поразмыслил, а потом отвел меня в сторонку. Там оказалась свободная комната.

– Я с тобой хотел поговорить, – он почему-то мялся. – Насчет их оплаты. Не факт, что я смогу сам. Сотвори что-нибудь.

– Я должна это как приказ воспринимать?

– Ты же можешь.

– Мало, что я могу, – нахмурилась я. – Я не контейнер с идеями. Тем более, у меня ничего не получается. Тем бо-

лее, – я сделала на этих словах нажим, – я, конечно, знаю, чего хотят эти товарищи!

– Это не их место. Они всего лишь одалживают его.

– И что я должна поменять в своем мнении?

Олег тоже начал злиться.

– Ты одна из тех баб? Которые устраивают истерики по каждому поводу?

– Это еще была не истерика. И я не «одна из тех». И я не понимаю, о чем ты говоришь.

– Да, с тупостью твоей я уже знаком, – он сдвинул брови. – Мне надо попасть внутрь, и я сделаю все, чтобы это сделать. Не хочешь мне помогать – так катись к черту.

– И как же ты оплатишь?

– Это тебя касаться не будет уже.

– Все для себя, блин, – я отвернулась.

– Хочешь сказать, ты не такая? – подозрительно уточнил он.

– Нет.

Олег взял стул, поставил вплотную – я сидела на кровати, и теперь, когда он грубо сел, его колено уперлось в мое. Я попыталась высвободиться, но он пальцами впился в мою ногу, заставив с болью в мышцах замереть.

– Кто меня затащил к себе? – Олег был жестко хмурый.

– Не знаю, – я задергалась, и он прижал своей второй коленкой мою.

– Ты, – зловеще произнес он. Я кривилась от боли. – Ло-

патки мне кто подарил? Ты, Сава. Про кольцо – кто вякнул? Ты, – он следил, как я глазами пытаюсь сбежать. – Вот и плати, раз твоя работа.

Я снова безуспешно дернулась.

– Я ничего тебе не должна!

Он сощурился. И мне стало страшно.

– Кто написал меня?!

– Не я! – у меня вырвалось.

И я ахнула про себя. У меня так вырвалось. Олег смотрел, и я решила «смягчить», потому что он уже успел меня выбесить.

– Я не могла написать такого уroda.

Его взгляд был тяжелым, и мне стало не по себе. Но мозг просто выедало этой борделевской обстановкой. Хотелось ругаться, как сапожник, будто я всегда так умела делать. И делала с удовольствием.

Олег встал.

– Ну, спасибо, – произнес он. А в эту минуту я думала, что наконец избавилась от его противно-острых коленок.

– Только я-то привык за свои слова отвечать. А ты, походу, нет.

Он развернулся и вышел из комнаты.

Мне на глаза попались грязный лифчик и какое-то непонятное шмотье.

Я схватилась за плечи. Да что это со мной происходит? Будто не я сама, а кто-то меня ведет, увлекая во всю эту

страшную для меня обстановку. Где шлюхи – норма обихода, а мат – да вся жизнь мат. Я никогда так не разговаривала с людьми. Никогда таких слов не думала, если только не вживалась в персонажа при написании. Только тогда, бывало, чужая точка зрения становилась моей.

Кожу почему-то холодило. Я только что обнаружила, что сижу на не совсем чистом белье. Я встала, закрыла глаза и попросила, чтобы всего этого не было.

Когда на тебя смотрят в упор, не очень-то просто сосредоточиться. Взгляд Шнуцеля был немного вялым и будто бы ничего не подразумевающим. Но только ты пытался из него выбраться, отведя глаза в сторону, как по спине пробежал неприятный озноб. Не из-за страха, нет. Из-за насмешливой внимательности, с которой бог следил за своими подопечными. Все-таки этот парень что-то про меня узнал, надо было быть осторожнее.

Белый цокнул в тот момент, когда я уже собрался наброситься на него с вопросом, и отвернулся.

– Ну что, кольцо ее, – прохрипел Марта и кашлянул. В комнате стоял запах чего-то вишневого, похоже на кальян, но дым отсутствовал.

Я протянул руку, и Марта, не моргнув глазом, опустил в ладонь цепочку.

– Все еще хочешь туда идти? – поинтересовался он.

– Не отговаривай человека от неприятностей, – осклабил-

ся белобрысый.

Если бы не его хужоба, ему можно было бы дать лет на его возраст.

Но, кажется, Марта был хужее.

– Пару дней назад мы чуть не вляпались в одну историю, – сказал высокий и побрел к окну. Искал спички.

Я внутренне напрягся.

– Но в кашу на площади влезть не успели.

– И, видимо, повезло – десяток арестовали, – продолжал насмехаться надо мной Шнуцель.

Я пару секунд взвешивал кольцо в руке.

– Жаль, не всех.

У Шнуцеля при моих словах лицо вытянулось.

– Так мы не первые?

– Я искал вас, но...

– Раз он хочет, мы готовы, – Марта взял взгляд Шнуцеля. Тот поднял брови. – Давай, мне уже интересно, чем все закончится.

– На кол его возьмут, вот чем закончится, – обнадежил белый. Я и сам понимал, что моя ситуация слишком шатка.

– Я оплачу вам сполна, только проведите меня туда незаметно.

– Мы договоримся с охранниками, наши люди тоже там будут, – прищурился Шнуцель. – Но дальше ты сам. Выбираться – твоя забота.

Я недолго молчал.

– Никакие деньги это не окупят?

Шнуцель придвинулся ближе.

– Не окупят гнев государя? Пожалуй. Вольх следит за своей племяшкой, как за сейфом с золотом.

– То есть уже пытались достать.

– Ходили слухи, – Шнуцель оглянулся на Марту – тот все еще нервно шарил в поисках спичек. – Но они быстро сошли на нет. Видимо, некому их стало распространять.

Я зажал кольцо в руке. Я не боюсь. Но... действительно ли мне это надо?

– Ты еще можешь отказаться, – Шнуцель развел руками. – Мы, так уж и быть, на бабло не позаримся.

– Как будто я могу это сделать, – со вздохом сказал я.

Мне показалось – какой-то внутренний блок. А почему я не могу?

С возгласом облегчения Марта чиркнул спичкой. По комнате поплыл противный дым.

Какое-то время Олег меня упорно игнорировал. Я с этим смирилась. И внутренний голос стучал слишком тихо, чтобы я пошла и извинилась. В конце концов, кто из нас персонаж?

И хоть я его не написала.

Вообще это странное чувство... С одной стороны, я точно знаю, что часть меня в нем точно есть, пусть и не могу определить какая. Это как с приемным ребенком. Хоть и не вынашивали, но знаешь, что твой... Или же не твой. Не люблю

сравнивать произведения с детьми, это как-то слишком грубо. Тем более, что этот «ребенок» по ощущениям, возможно, и старше тебя.

Когда я разговаривала с ребятами из училища, то каждый воспринимал свое произведение как детище. От которого сложно оторваться, – оторвать от души – потому что в нем столько тебя, сколько и в тебе мало – в тебе уже нет. Как смотреть в себя, в прошлое... Если у меня прошлое – *это*... Ни за что не поверю. Даже если во сне придумала, не поверю. Во сне вообще много какого бреда снится.

Я бродила по коридорам, пытаюсь отвлечься. Не знала, сколько сейчас времени, что делать дальше. Как в чужой стране, без языка и способности к существованию – когда деньги закончились, к примеру. Девушки на меня уже не смотрели.

Одна из них, я видела, была даже младше меня. Пусть бы она просто так выглядела.

У одной стены я заметила трех девушек. Одна была высокой, в слишком пышной вуалевой юбке, вторая была... Меня передернуло. Там было не три девушки, а две. А в середине стоял белый. Опять, так похож на девчонку, что меня оторопь берет.

Как косплееры. Черт возьми, совсем как они.

В моем мире было популярно надевать на себя маску придуманного персонажа – заодно и одежду его, которую сами

любители сшивали, тратили кучу денег, фотографировались специальной аппаратурой. Или шли на фесты, где в основном получалось убого.

Смех в интернете, на несоответствие форм, внешности.

Люди тратили кучу времени на это. И когда проходили фесты, они были короли – потому что столько сил, столько нервов. А чтобы еще выдержать на себе бутафорию все мероприятие. Единственный бонус – с тобой всегда просят сфоткаться. И то, если это хороший косплей.

Но что меня всегда раздражало, это косплеи пейрингов. Так называемых парочек, которые придумывают сами потребляющие творчество. И в основном, пейринги встречались однополые. Люди так любили прятать свое извращенство за сводимыми вместе персонажами. Персонажами – этим все объясняется. Почему бы не пофантазировать.

Но то, что их рисуют, – это еще ничего. Это всего лишь рисунок.

Но когда это косплеят...

Я как-то попала на страницу популярного человека, который делал косплей на персонажей «Тетради Смерти». Не помню, как называются. И я упорно пыталась разглядеть во втором партнере хоть что-то от девочки – хотя бы намек на грудь, хоть небольшой. Но на следующей фотографии они были голые, и я понимала, что все это «взаправду»...

И мне становилось так мерзко, что я благодарила Господа, что оставила любовь к японской анимации глубоко в своих

школьных годах...

У меня на лице, кажется, что-то отразилось.

От прищура Шнуцеля я вздрогнула, но сделала вид, что упорно смотрю, как он меня совсем не волнует.

Он продолжил разговаривать с девушками.

Мне кажется, я немного перебарщивала с эмоциями. Я и раньше видела женоподобных парней, и внешность тех же худощавых японцев и корейцев я не принимала. Мужик должен быть мужиком. Женщина – женщиной. Но век смешал гендерные стереотипы, и вместе с такими ништяшками, как возможность женщине занимать руководящую должность в мужской профессии, появились такие, как феминизм, женоненавистничество, превращение женского пола из слабого в сильный... Все слишком быстро менялось и рушилось. И я была согласна, что женщине лучше постоять бы у плиты. Потому что мужик должен быть мужиком, а женщина женщиной.

Когда я этого совсем не ожидала, сзади за локоть меня подхватили и повели-повели быстро по коридору.

Повернувшись спиной к стенке, я поняла, что это Шнуцель.

Выглядел он достаточно дружелюбно.

Я напряглась.

– Все любишься мной? – спросил он как бы беззаботно.

– Есть на что смотреть, – как-то заученно вырвалось у ме-

ня.

Шнуцель хохотнул.

– Не правда ли? Я же как девочка.

По ощущениям это было так, что обидой бросили *мне* в лицо.

– Я не могу ничего поделать, если я так вижу, – сказала я.

Что в самом деле? Еще из-за этого раздражаться.

Он усмехнулся и смотрел, смотрел на мое лицо.

Я как старалась игнорировала.

А потом было «ой».

Он придвинулся ко мне так близко, что я сразу почувствовала себя *им*, когда он стоял возле баков с Мартой. Зрочки были на уровне моих, значит он все же такой же мелкий.

Я пошла по стене влево, а он не дал. Было очень тесно и тепловато от его тела.

– И что? – с вызовом сказала я. Как детский сад, черт возьми.

– По-дружески, – произнес он, вздыхая. – Знаешь, как девушка с девушкой...

Он придвинулся, прижав мою грудь. За спиной была сама стенка. Мне было больно.

– Пусти меня, – с ненавистью потребовала я. А он лишь водил во рту языком, глазами проверяя меня на прочность.

Потом вздохнул и прижал к стене мои запястья – а я только хотела вырваться. Он стал вдруг чуть выше...

Ноги мои он тоже крепко прижал. Черт, я чувствую себя

как в паучьем коконе...

А потом он сильнее придавил грудь своей. Я сдавленно выдохнула. Он улыбнулся. И вдруг наклонился к моему уху и втянул воздух. Стало щекотно и противно.

– Отпу... ых-х.

Я почувствовала под ухом его мерзкие губы.

Господи, я тебя перепишу, дьявол!

А затем... ох!..

Он удовлетворенно смотрел, как мои глаза вылезают на лоб. И заполняет их страхом. Мне стало сейчас очень страшно. От того, что он может сделать. В принципе, всегда.

Он стал выше, а потом ниже. А потом еще.

Я смотрела на него уже со смесью ужаса и слез.

– Я поняла, – сказала я наконец, когда последнее его движение было готово довести меня до истерики.

Он усмехнулся – он был доволен, как я еще никогда не видела. Отпустил только слегка.

– Не понравилось? – с притворной жалостью посмотрел он. – Я без одежды нежнее.

– Я поняла, – сказала я. – Что ты мужик.

Он тихонько засмеялся. Так смешно, умереть просто можно.

А потом он смотрел и смотрел, со своим прищуром. И все не уходил.

Я напряглась.

И почувствовала, что в ответ он тоже напрягся.

О Господи...

Я зажмурилась. Ну почему это продолжается?..

Мои руки освободили, но вместо этого его ладони зажали щеки. Я не смела открыть глаз, а он все водил языком в моем рту, а я, черт, боялась двинуться... Если я двинусь, что еще будет...

И среди всей неприятности, что я чувствовала, я все думала – хоть бы ему не показалось, что я жду продолжения. От этого боялась пошевелиться...

В голове немного было мутно. Он наклонился к прежнему месту шеи и впился теперь туда. Я сглотнула. Целую томительную минуту я не знала, как от этого избавиться. Он водил еще руками по моему телу, а я терпела...

Но была еще такая мысль – хорошо, что это хоть парень, ох...

Он отлепился с громким звуком. Облизнул губы и чмокнул ими в воздухе. С этой секунды я была свободна.

– Все поняла?

– Все, – повторила я, и он удовлетворительно поднял вверх уголки губ.

И тут же опустил.

Я стояла у стенки, когда он уже ушел. Затем вытерла губы, шею, Господи... У меня сильно болела грудь и еще почему-то нога. Он, видимо, задел ее как-то. И я заметила Олега.

Он молча смотрел на меня.

У меня, наверное, в глазах была легкая сумасшедшинка.

– Не говори ничего, – попросила я, почему-то выглядывая на него, как провинившаяся собака на хозяина. – Я заслужила, да?

Он мне не ответил.

Я сглотнула, понимая, что сейчас у меня по горлу пойдут чьи-то слюни, и пошла искать комнату. Свою. Чтобы никто никогда не трогал. Хотя бы до вечера.

До конца дня я об этом не вспоминал. А потом что-то взбрело в голову, и никак не мог отвязаться. Решил, что поговорю со Шнуцелем.

И чтобы не откладывать, мимо комнат, где женщины уже занимались работой, я пошел к номеру товарищей, которые, как я надеялся, к себе никого в этот день не вызывали.

Я оказался прав. Шнуцель пригласил меня движением пальцев. Он снимал рубашку. А Марта этим временем в кресле в трусах курил какую-то едкую смесь табака, дымом от которого заполонил все помещение. Тут была одна большая двуспальная кровать. Но я подумал, что мне пофиг, как они будут решать эту проблему.

– Садись, – сказал Шнуцель, похлопав по кровати. – Чего хотел?

– Я постою, – ответил я и на какое-то время застыл взглядом на Марте. Тот лишь закашлялся и снова затынулся.

– Ну? – поторопил Шнуцель, оставшийся в штанах.

Как же удобно так получилось, что он сидит меня ниже.

– Насчет Савы. Она почти что вместе со мной.

Белый сначала изобразил удивление, а потом засмеялся, видимо, сообразив, о чем я.

– Я девочке отвечал добром, – посмотрел он на меня исподлобья, улыбаясь.

– Согласен, резон в этом кое-какой есть, – я резко наклонился и всадил ему кулак между ног. Его бросило на мою руку. Я зажал ему глотку свободной рукой.

Марта в кресле курил и лишь сильно удивлялся.

– Но чтобы больше я тебя с ней при таких обстоятельствах не видел, – отдельно повторил я.

– Не увидишь, – хрипя, произнес Шнуцель, пытаясь одной рукой отвести мой кулак, а другой больно царапая шрамы.

Но в его словах я услышал подвох. Я отставил руку и повторил удар. Он вцепился обеими лапами мне в плечо.

– Пусти, мужик, я понял!..

Я отпустил, и он скрючил спину, облюбовав коленки.

Марта смотрел на это все – и курил.

– Черт возьми, – Шнуцель, морщась, глянул на меня, – она же для тебя ничего не значит.

Я немного подумал.

– Да. Но есть вещи, которые я не могу стерпеть. И не из принципа.

– Герой, блин, – Шнуцель сполз на пол, все еще держась за пораженное место. – Я понял! Иди уже.

Я посмотрел на Марту. Тот пожал плечами и сигаретой

указал мне на дверь.

– Спасибо, – сказал я и вышел из комнаты.

Шнуцель мне ничего не сделал. Это я понимаю... мужской разговор.

Марта затушил сигарету.

– Прижал что ли девку?

– А, – отмахнулся Шнуцель, – проучал.

И поморщился. Врагу этой штуки не пожелаешь.

Глава 4

Я не выспалась. Вторую ночь не высыпаюсь. Зажала уши, которые к утру уже немели, протерла – я слишком сильно сдавливала их во сне. И на кресле отлежала.

Спать на кровати я не могла. Там же этим занимались.

Ладно бы кто-нибудь. Но проститутки.

За окном было тихо. Как и в других комнатах. С улицы тянуло морозным воздухом, будто только вчера была зима. Когда мы с Олегом добирались до столицы, то на земле еще был снег, но преимущественно в лесу. Здесь же улицы, наверное, чистили. Но вообще, учитывая, в какой одежде я хожу, я уже давно должна была заболеть. Зная мой иммунитет во время учебы... А тут – учеба закончилась? Ха-ха.

Я встала, еле удерживаясь на затекших ногах. Надо это прекращать. Пусть Олег ищет другое. Даже если со мной не

разговаривает. Он может спать в этом борделе – я нет. Потерплю. Только и у меня терпение скоро кончится.

Почему бы нам не свалить к друзьям? Не верю, что он здесь ничего не знает. Как тогда он здесь ориентируется? Уже уходил дважды, оставляя меня одну... Как вспомню. Это должно запрещаться законом. Шнуцелю... я старалась на глаза не попадаться. Чур его. Из той еды, что здесь была, я, кажется, ела только хлеб. К остальной и притрагиваться боялась – так атмосфера давила. Из-за этого очень хотела есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.